

ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

ПРЕСТУПНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

Чезаре Ломброзо

Политическая преступность

«ЭКСМО»

1890

Ломброзо Ч.

Политическая преступность / Ч. Ломброзо — «Эксмо», 1890

«Нет, пожалуй, ни одного юридического вопроса, который открывал бы такое широкое поле для составления самых противоречивых теорий, как вопрос о политических преступлениях. Достаточно вспомнить, что многие известные пеналисты, как, например, Лукас, Фребель и Каррара, доходят до сомнения в существовании последних, как будто бы они не были ярким общественным явлением, повторяющимся во все времена и при всякой форме правления. Правда, что политические преступления никогда не были изучаемы как таковые; деспотизм, откуда бы он ни шел – от дворца или с улицы, – всегда успевал отклонить от них научную критику, присваивая себе их монополию или превращая в оружие против своих противников...» Ч. Ломброзо

© Ломброзо Ч., 1890

© Эксмо, 1890

Содержание

Предисловие	5
I. АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ	8
Глава 1. Инерция и прогресс. Мизонеизм и филонеизм. Революции и бунты	8
Глава 2. Влияние климата и атмосферных явлений на революции	31
Глава 3. Влияние климата и атмосферных явлений на бунты и восстания	34
Глава 4. Влияние барометрического давления, геологического строения почвы и высоты над уровнем моря на революции	40
Глава 5. Питание. Голод. Алкоголизм. Их влияние на бунты и революции	52
Глава 6. Раса. Население. Их гениальность. Интеллектуальная культура: сумасшествие и преступность	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Чезаре Ломброзо, Родольфо Ляски Политическая преступность

Предисловие

Этот ряд преступлений важнее всех других, по крайней мере для наших современных обществ; он отзывается не только на частных лицах, но и на общем благе, и на интернациональном положении страны, и на отношении граждан друг к другу, и на общественной нравственности. Поэтому политические преступления должны быть изучаемы как случаи социальной патологии.

Литтре

Нет, пожалуй, ни одного юридического вопроса, который открывал бы такое широкое поле для составления самых противоречивых теорий, как вопрос о политических преступлениях. Достаточно вспомнить, что многие известные пеналисты^[1], как, например, Лукас, Фребель и Каррара, доходят до сомнения в существовании последних, как будто бы они не были ярким общественным явлением, повторяющимся во все времена и при всякой форме правления.

Правда, что политические преступления никогда не были изучаемы как таковые; деспотизм, откуда бы он ни шел – от дворца или с улицы, – всегда успевал отклонить от них научную критику, присваивая себе их монополию или превращая в оружие против своих противников.

Тому же немало содействовали и те доктринеры свободы, которые, гонясь более за видимостью, чем за сутью, более за фразами, чем за делом, восставали всякий раз, когда кто-нибудь пробовал прилагать критерии преступлений против общего права к деяниям, несколько отклоняющимся от такого типа, по крайней мере во всем, что касается намерения.

А между тем мы видим, что с древнейших времен и до наших дней самые свободные нации весьма строго преследуют преступления такого рода; в Афинах, например, всякого, кто только был подозреваем в желании свергнуть народное правление, считали достойным смерти; в Спарте отдавали на жертву адским богам того, кто в народных собраниях говорил или вотировал против республики.

Республиканский Рим рубил головы врагам отечества и народа римского. В Средние века итальянские свободные коммуны, например Венеция и Флоренция, налагали самые суровые наказания на лиц, только подозреваемых в политических замыслах, а в наше время даже в таких демократических государствах, как Североамериканские Штаты, за нарушение конституции и за политический заговор, проявившийся в деяниях, назначена смертная казнь.

Во всяком случае, следует признать, что если законы даже самых свободных народов не соответствуют в этом отношении историческому и научному прогрессу, то они не согласуются и с современным общественным мнением, по крайней мере наиболее образованных классов. Последнее, в самом деле, более не оправдывает чересчур строгих мер против политических преступлений, как это проявляется в преувеличенной мягкости приговоров присяжных и в снисходительности избирателей, игнорирующих постановления суда.

Хотя первая идея научного исследования, предлагаемого теперь читателям, явилась у нас на Туринской выставке 1884 года при обозрении портретов итальянских политических мучеников, а разрабатывалась она людьми, которых трудно подозревать в ретроградных стремлениях, мы не были удивлены кампанией, начатой против нас даже самыми доблестными из наших товарищей по оружию. Мы так хорошо понимаем гуманные мотивы, которыми они

руководствуются, что и сами разделили бы их чувства, если бы холодный рассудок и научная объективность не одерживали победу над первым порывом, заставившим нас симпатизировать более предполагаемым преступникам, чем их судьям.

Если можно сравнивать малое с великим, то мы, пожалуй, и сами принадлежим к числу таких преступников, потому что искать антропологические причины преступности – значит вносить такие изменения в старые правовые понятия, которые сами по себе могли бы в иное время и в иных странах считаться преступными, да и были таковыми в юридическом смысле слова, если бы мы захотели слишком самоуверенно и при помощи средств посторонних наук ввести их в практику.

Кроме того, мы теперь же соглашаемся, что слово «преступник» в приложении к совершителям политических проступков должно казаться неподходящим, в особенности если их смешивать с преступниками врожденными. Эти последние входят, правда, в контингент лиц, совершающих политические преступления, но в очень ограниченном количестве и с такими особенностями, что их тотчас же можно отличить от массы весьма почтенных деятелей, к числу которых они примешиваются.

Но мы должны все-таки держаться технического названия, хотя и признаем, что политический преступник является таковым только с юридической точки зрения, а отнюдь не с нравственной или социальной.

Правда, что с каждым днем данный вопрос становится все менее и менее важным. Если мнение Спенсера насчет того, что «преступление против общего права должно исчезнуть со временем», есть результат иллюзии, то не в приложении к преступлению политическому. Это уже начинает проявляться в мягкости если не буквы современных законов, то их духа, и уж, во всяком случае, в общем чувстве, в общем мнении, поддерживающем законы и реформы при согласии с ними или отрицающем их при несогласии. Очевидное доказательство этому мы имеем в постоянном уменьшении числа поступков, считающихся политическими преступлениями в просвещенных странах Европы.

Дело в том, что, с одной стороны, теперь начинают понимать, что между революцией и бунтом существует такая же громадная разница, как между эволюцией и катаклизмом, натуральным ростом и болезненной опухолью; что между ними больше антагонизма, чем аналогии, что революции и восстания представляют почти полную противоположность друг другу. Последние, будучи бесплодными даже тогда, когда руководствуются намерениями, не имеющими в себе ничего преступного, должны быть, следовательно, поставлены в разряд преступлений, которые хотя и совершаются вследствие честных побуждений, но не могут избежать преследований закона.

С другой стороны, целый ряд причин, делавших в прошлом политические преступления почти постоянными, – таких, например, как угнетение национальностей и религиозная нетерпимость, – постепенно уничтожается или по крайней мере сокращается, а потому сокращается и реакция, которую они вызывали.

Нельзя, однако же, сказать, чтобы эти причины совершенно исчезли, отчасти потому, что рядом с нами – счастливыми в этом отношении – стонут народы, которым отказано в свободе мысли и праве политического самоопределения, а отчасти потому, что даже и у нас человеческая природа является неудовлетворимой – насыщение не всегда ее успокаивает, а иногда развивает новые, беспорядочные аппетиты, по крайней мере у той группы людей, которую невроз или житейские разочарования сделали неспособной к спокойствию.

Правда, что многие из последних, делаясь виновными в настоящих преступлениях, бессознательно совершают доброе дело, потому что указывают нам на неудовлетворенные нужды или ускоряют события, которые иначе совершились бы гораздо позднее. Чаще, однако же, они просто живут в болезненном бреде, среди противоречивых проектов, подобно мыльным пузырям, блещущим всеми цветами радуги, но лопающимся от малейшего прикосновения.

В самом деле, вслед за республиканцем и социалистом, имеющими историческое или экономическое право на существование, появляются коммунист и анархист, совершенно отвергающие государство, отрицающие даже обязанности гражданина и стремящиеся одним ударом разрушить все связи, делающие современного человека сравнительно счастливым.

Но ведь никто же не пойдет за ними так далеко.

Нам следует, стало быть, заняться изысканием, существует ли помимо злоупотреблений деспотизма политическое преступление, приносящее обществу вред и, следовательно, влекущее за собой ответственность перед законом. А если такое преступление существует, то в чем оно состоит по отношению к политическому организму и правам граждан, входящих в состав последнего.

Если бы мы при этом изыскании стали следовать по протоптанным тропинкам древних понятий о праве, то должны были бы начать с априорного определения, опирающегося на какие-нибудь древние цитаты, а затем исходя из него, подобно пауку, ткущему свои нити, и с такой же прочностью продолжать ткать основы нашей работы. Но так как для нас преступник важнее преступления, то мы дадим определение последнего, – составляющее для нас, во всяком случае, дело второстепенное, – только после основанного на криминальной антропологии и истории изложения факторов этого нового вида преступности.

Что касается приложения наших теорий к жизни, т. е. политических и социальных реформ, то мы не скроем, что многие поверхностные критики сочтут нашу попытку бесполезной потому только, что мы допускаем врожденность преступности. Но рассуждать таким образом значило бы, по прекрасному сравнению Сигеле, то же самое, что отвергать всякую возможность улучшения земледелия потому только, что мы не можем застраховаться от молнии и града. В природе существуют случайности и менее неустранимые, чем град и молния, а с ними, к счастью, человек может бороться. Точно так же и в общественной среде есть враги более многочисленные и менее закоренелые, чем прирожденные преступники, а потому в борьбе с этими врагами постоянная и просвещенная предусмотрительность многое может сделать. Да и кроме того, в среде народа спокойного и довольного своими учреждениями всякая политическая попытка прирожденных преступников останется безрезультатной.

Пробуя разрешить некоторые из великих исторических социальных задач, занимающих внимание ученых и мыслителей, мы старались быть объективными. Мы заставили молчать в себе всякие предвзятые чувства, одинаково не подчиняясь как симпатиям, так и антипатиям. Будем надеяться, что и читатель поступит так же, что перед решением вопросов такой громадной важности он сбросит с себя предрассудки, присущие его партии, его народности и даже его веку. Перед лицом исторической эволюции один век есть лишь секунда.

Пусть спорят с нами, пусть даже разбивают, если хотят, наши заключения, но не факты, нами представленные и твердо установленные, как те, например, которые доказываются миллионами показаний, выраженных нами в диаграммах. Априорная критика бессильна против фактов; их мог бы оспаривать только тот, кто противопоставит нам тоже факты и по крайней мере не в меньшем количестве.

Ч. Ломброзо, Р. Ляски

І. АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

Глава 1. Инерция и прогресс. Мизонеизм и филонеизм. Революции и бунты

І

Инерция и прогресс

Охватывая одним взглядом сложные явления нравственного мира, для того чтобы вывести из них общий закон, преобладающий над всеми другими, мы увидим, что это будет закон инерции. Это одинаково верно как для мира неорганического, так и для мира органического, который кажется таким отличным от первого, а на самом деле вполне совпадает с ним как по натуре, так и по происхождению.

По мере того как мы удаляемся от грубой материи, в которой законы движения развиваются почти без перерывов, это совпадение кажется ускользающим от нас, потому что, дойдя до вершины лестницы существ, мы уже не видим более первых ее ступеней, не постигаем, как инфузория могла развиваться до человека и каким образом дикарь каменной эпохи, неандерталец, превратился в Дарвина, Вирхова, Пастера.

1) *Прогресс*. Но если эти превращения поражают нас своей неожиданностью и как бы говорят в пользу прогресса бесконечного, неизбежного и совершающегося со страшной быстротой, то внимательное исследование доказывает, что этот прогресс никогда не проявляется повсеместно и сразу или какими-нибудь скачками, обусловленными особым творческим актом. Он был, напротив того, результатом очень медленной эволюции, обусловленной отчасти внешними случайностями, влияние которых упрочивалось естественным отбором и борьбой за существование, позволяющими жить и размножаться только видам, наиболее хорошо вооруженным против всяких опасностей, а отчасти – именно законом инерции, потому что, раз начавшись, движение не только не могло остановиться, а шло, постоянно ускоряясь, так как действующая причина изменений одновременно вызывает в разных направлениях многообразный эффект и увеличивает гетерогенность.

Так, телеграфы и железные дороги обусловили не только быстроту сообщений, но и скупивание населения в больших центрах, ослабление голодовок и появление целого ряда новых отраслей промышленности, а стало быть, новых категорий работы и рабочих складов и оптовых магазинов, доступ к которым не преграждается уже большими расстояниями. А быстрота и дешевизна сообщений, в свою очередь, содействовали специализации промышленности.

Все это проявляется тем легче, что поле применения новых сил постоянно расширяется и становится более гетерогенным, почему и результаты такого применения оказываются более многочисленными и разнообразными. В Ломбардской долине телеграф шире распространен, чем на Корсике; дикие раньше нас узнали каучук, которым мы теперь так широко пользуемся, но не умели ни к чему приложить его.

Размножение результатов, в свою очередь, обуславливается непрочностью всего однородного, гомогенного, так как под влиянием постоянно действующей силы это последнее дифференцируется, превращается в гетерогенное, что и составляет первое условие всякого совершенствования.

Чем более животное совершенствуется и приспособливается, тем более оно становится гетерогенным. У современного европейца черепные и лицевые кости гораздо более дифференцированы, чем у папуаса. Точно так же дифференцирован и их труд. В самом деле, между тем как дикарь должен быть одновременно воином, охотником, рыболовом и каменщиком, у нас каждое из этих ремесел подразделяется на множество отдельных специальностей.

Этот закон был выражен Дарвином под другой формой в его теории стремления каждого индивидуума к изменению той наклонности, от которой именно и зависит образование новых видов и родов. Изменяемость, однако же, нисколько не противоречит закону инерции и есть, напротив того, результат действия этого закона под влиянием внешних толчков, обусловленных необходимостью победить в борьбе за существование, позволяющей жить только наиболее приспособленным.

2) *Инерция в органическом мире.* Как бы то ни было, эта дифференциация, развитие столь разнообразных форм, происходит лишь очень медленно.

«Естественный отбор, – пишет Дарвин, – так же как и прочность наиболее приспособленных организмов, вовсе не обязывает к дальнейшему прогрессивному развитию; он только пользуется выгодными для индивидуума случайными изменениями. Тщетно было бы доискиваться, какую выгоду может принести инфузории, или глисту, или какому-нибудь червю более сложная организация, а так как нет выгоды, то и формы этих животных не улучшаются или улучшаются очень мало. Этим и объясняются прочность и неизменность многих низших организмов».

Этим же объясняется, прибавим мы, и существование в море, на больших глубинах, таких животных, формы которых совершенно одинаковы с ископаемыми, жившими сотни веков тому назад. Внешняя обстановка не изменилась, никакой новой формы борьбы за существование не потребовалось, потому и организмы остались прежними.

Закон инерции так всемогущ, что, даже будучи побежден внешними условиями, он все-таки и в наиболее прогрессировавших существах всегда оставляет черточки первобытного строения в виде *перезитков* и *зачаточных* органов, если только это строение не возобновляется во всей своей целости, как в некоторых *атавистических* формах.

В самом деле, если мы находим около человеческого уха маленькие мускулы, совершенно для нас бесполезные, но у лошади содействующие выражению радости или испуга; если мы видим в копчиковой кости зачаток хвоста, в червеобразном отростке – остаток удлинённой кишки травоядных животных, а в *musk. psoas* — остаток мышцы, служащей для прыганья у грызунов, то мы имеем перед собой анатомические доказательства силы закона инерции, хотя и побежденного борьбой за существование и естественным отбором, но все же не перестающего проявляться там и сям. Точно так же уроды и микроцефалы часто воспроизводят все характерные признаки обезьян или грызунов, притом не только в анатомическом устройстве, но и в инстинктах¹. То же можно сказать о преступниках, которые суть нравственные уроды и в которых Серджи вполне основательно видит проявление преатавизма (анатомически доказанное), восходящее к плотоядным и грызунам.

У большинства уродов закон инерции является побежденным лишь наполовину. Таковы, например, те из них, которые наследовали от предков только шерсть по всему телу, не исклю-

¹ Мы исследовали Крао, у которой все лицо и огромные уши покрыты волосами; но что еще важнее – она обладает различными мешками, как низшие обезьяны, и таким же носом без хрящей, как у них. Тереза Гамбарелло из Салерно помимо шерсти по всему телу, не исключая лица, обладает еще и жирными подушками готтентотских женщин.

чая лица; или двойное влагалище; или зачаточный хвост, как у рыб; или дольчатые почки, как у китовых. И все это повторяется с такой точностью, что ее можно выразить в цифрах. Так, *muscischio-pubicus* встречается у 20 % больших людей, а мозжечковая ямка, нормально находящаяся у птиц и почти всех млекопитающих, – у 45 %.

Правда, теперь Нэгели выступил с учением, предполагающим бесконечный прогресс вида. По этому учению, мицеллий идиоплазмы, в силу внутренних причин, присущих живой организованной материи, постоянно стремится переходить от простых форм к сложным, а следовательно, органическая эволюция обуславливается той же механической необходимостью, которая наблюдается и в основной структуре кристалла, точно также зависящей от внутренних молекулярных сил и очень слабо изменяющейся под влиянием сил внешних.

Но помимо того, что учение Нэгели не объясняет, каким образом идиоплазма, распространяясь вследствие сегментации зародыша по всем тканям, а стало быть, прогрессивно уменьшаясь в количестве, может потом находиться во всех клеточках молодого организма, сохранив все свои филогенетически приобретенные свойства; помимо того, что «общее стремление к тому совершенствованию» вследствие предустановленной склонности к организованной материи, по справедливому замечанию Марчелли, отзывается старой метафизикой, – помимо всего этого, новейшие наблюдения показывают, что среди животных часто встречается подлинный регресс, видимо, выродившиеся, то есть оставшиеся от более высокой организации, формы. Это можно наблюдать, например, у пластинчатожаберных, у многих *crustacés*, может быть, также у *Amphious*. Кроме того, существование некоторых животных с органами, подвергшимися регрессу (как, например, глаза у пещерных видов), тоже не согласуется с бесконечным стремлением к совершенствованию, которое Нэгели приписывает идиоплазме. Да надо еще прибавить, что и домашние животные регрессируют, возвращаясь к дикой жизни, и негры на Санто-Доминго превращаются в чистых дагомейских^[2].

Да, наконец, и по теории Нэгели, как и по новейшей теории Вейсмана^[3], прогресс в мире животных никогда не совершается вдруг, а всегда медленно и постоянно.

3) *Инерция в мире нравственном*. Даже предполагая, что можно оспаривать проявления инерции в мире органическом, мы, конечно, не можем этого сделать по отношению к миру нравственному.

В самом деле, сколько бы ни говорили о величии прогресса, нами достигнутого, но если мы составим карту распространения его по земному шару, то сразу увидим, к каким ничтожным размерам он сведется. Можно сказать, что вся Африка, за исключением нескольких пунктов, занятых арийцами, Австралия и добрая половина Америки находятся почти в доисторическом состоянии или по крайней мере в положении больших азиатских империй первых эпох истории.

В Южной Америке, на Гаити, цивилизация изменила только внешние формы примитивной жизни, заменив неподвижность неустойчивым равновесием, что, пожалуй, еще хуже.

Даже и у нас, в странах наиболее цивилизованных, если выделить стариков, женщин, крестьян, духовенство, большую часть аристократии и деревенской буржуазии, совершенно враждебных прогрессу, то много ли останется сторонников последнего?

Какое варварство царствовало всего несколько лет тому назад в Греции, Испании, Хорватии, Сардинии, на Корсике! Да нельзя сказать, чтобы и теперь оно там перестало царствовать, даже в среде лиц наиболее просвещенных.

Не только частое повторение случаев, в которых люди наиболее цивилизованные под влиянием страсти становятся варварами (как, например, во время холеры в Италии, палермского бунта, декабрьских стачек и прочего), показывает, каким тонким слоем культурного лака мы покрыты, но и наблюдения над нравами наших народов в самое мирное время могут доказать, что, несмотря на скрещивания и культуру, они недалеко ушли от первобытного состояния.

II

Мизонеизм

Наиболее ярким доказательством преобладания закона инерции в нравственном мире является боязнь всего нового, которую мы называем *мизонеизмом*, или неофобией, и которая обуславливается трудностью заменить старое ощущение новым. Между тем боязнь эта так распространена в животном царстве, что может считаться физиологически характерной для него. Вслед за первым сообщением, которое мы сделали по этому поводу в «*Revue scientifique*», фактов набралось множество, и с некоторыми мы познакомим здесь наших читателей.

Одна обезьяна, которую одели по-европейски, возвратившись в свои горы, была принята очень неблагоприятно – все товарищи от нее разбежались.

Всем известно, что собаки часто лают без всякой надобности, например на экипаж, проезжающий по тихим улицам деревни.

Известны случаи, когда лошади начинали нести потому только, что наездник одет не в тот костюм, в котором они привыкли его видеть.

По словам Роменса и Дэльбо, собаки боятся мыльных пузырей. «При четвертом лопнувшем пузыре, – пишет последний, – злоба моих собак вышла из границ».

Дети точно таким же образом относятся ко всему для них новому. Ребенок, в первый раз увидевший чужое лицо или невиданное животное, волнуется и ищет возможности убежать только потому, что боится нового впечатления. По той же самой причине он сердится, если вы переведете его в другую комнату, и пугается всякой новой мебели. Среди детей попадаются такие, которые любят смотреть все одни и те же картины и слушать одни и те же сказки.

Варины рассказывает, что один двухлетний ребенок, очень его любивший, убежал со страхом, когда увидел его ногу, завернутую в вату по случаю припадка ревматизма. Даже после выздоровления Варины ребенок продолжал избегать его и бояться; только через несколько месяцев, и то в присутствии третьего лица, состоялось примирение.

Женщины мизонеичны так же, как и дети, особенно по отношению к религии и житейским обычаям, а в некоторых областях и по отношению к языку предков, до такой степени, что не изменяют последнему даже и в тех случаях, когда все окружающие говорят иначе, как, например, в Америке, в Ориноко, у абипонцев, принявших язык соседних племен.

Отвращение к новому, замечаемое у детей и женщин, даже высокоцивилизованных, еще резче проявляется у диких народов, психическая слабость которых затрудняет ассимиляцию непривычных впечатлений, особенно если они сильно разнятся от впечатлений ранее ассимилированных и если между первыми и последними нет точек соприкосновения. Так, в первобытных языках *слон* называется *быком с бивнями*; в китайском языке *лошадь* есть *большая собака*; по-санскритски, вместо того чтобы сказать *стойло для лошади*, говорят: *стойло для лошадиного быка*, а вместо *пары лошадей* – *пара лошадиных быков*.

Если от старого впечатления к новому нет никакого перехода, то труд ассимиляции последнего становится так тяжел, что вызывает страдание, проявляющееся в виде страха.

С нормальным человеком происходит тогда то же самое, что мы наблюдали раз у одной помешанной, которую до такой степени поражал первый встретившийся ей на улице предмет или человек, что она потом целый день подставляла это первое впечатление вместо всех других. В таких случаях она особенно сердилась на свою дочь, которую очень любила и всегда узнавала, но тем не менее видела в форме лица или даже животного, прежде других ею в тот день встреченного. Эта же женщина, даже в компании с кем-нибудь, не могла посещать мест-

ности, в которых никогда прежде не бывала, так как страх и смущение, овладевавшие ею в таких случаях, доводили ее чуть не до самоубийства.

Таким образом, первобытный, слабый или ослабленный болезнью разум питает особое отвращение ко всему новому, за исключением, конечно, таких незначительных изменений, каковы, например, новые моды для женщин, новые игрушки – для детей, новые татуировки – для дикарской игры. Эти маленькие новости даже радуют их, так как возбуждают нервные центры, нуждающиеся в некоторой перемене, нисколько не раздражая последние и не причиняя страдания.

Но когда нововведение является слишком радикальным, то не только дикари да дети, а и громадное большинство людей начинает бояться его, потому что мизонеизм лежит в натуре человека благодаря страданию, производимому слишком резкими переходами от одного впечатления к другому. Вообще, инерция и стремление к повторению уже испытанных (лично или атавистически) движений свойственны среднему человеку также, как и животным.

Такого среднего, дюжинного человека, враждебно относящегося к нововведениям, можно сравнить с загипнотизированным субъектом, который, находясь под влиянием внушения, не видит предметов, стоящих перед глазами. Понятно, что он должен считать смешным, глупым или злонамеренным того, кто охотно принимает всякие нововведения.

Макс Нордау совершенно справедливо говорит: «Всякое новое ощущение должно быть легким и не очень неожиданным, чтобы доставить удовольствие, оно должно мало отличаться от ощущений уже испытанных и быть как бы естественным их последствием. Ощущения, слишком резко отличающиеся от привычных, причиняют страдание и потому возбуждают страх. Этим и объясняется тот факт, что люди, гонящиеся за маленькими *новостями*, из всех сил отбиваются от *нововведений*, нарушающих обычную жизнь. Я расположен думать, – говорит он далее, – что дикие племена исчезают при введении цивилизации единственно потому, что громадная перемена в обстановке вызывает в их мозгу непосильную деятельность».

Вообще мизонеизм есть способность покровительственная. Эта его функция была прекрасно разъяснена Бердом, который заметил, что дикари, не приходившие в соприкосновение с цивилизацией, необыкновенно хорошо переносят яды, ранения, сифилис, даже алкоголь, почему и смертность между ними меньше. Наоборот – граждане Соединенных Штатов, постоянно раздражаемые такими нововведениями, как телеграф, пресса и т. п., все поголовно становятся неврастениками, то есть вечно больными людьми, на которых сильно действует даже чашка кофе или рюмка вина, и это тем более, чем цивилизация выше, так что здоровье обывателей Северных Штатов сильнее расшатано, чем здоровье обывателей Южных. Большинство, заключает Макс Нордау, всегда будет консервативным, потому что живет согласно наследственному инстинкту, а не по новым, индивидуально составленным планам, среди которых не может ориентироваться.

1) *Мизонеизм в нравах*. Вот хоть бы, например, нравы. В современном греке, несмотря на все исторические перевороты, мы найдем грека древнего; аркадийцы до сих пор ведут жизнь пастушескую; спартанцы до сих пор отличаются жестокостью и воинственностью. Ренан нашел в Сирии те же нравы и обычаи, которые господствовали во времена великой империи. Средневековый византиец отличался той же любовью к элегантным спорам и софистическим тонкостям, как древнегреческие философы. Венгры ненавидят горы и любят равнины, подобно предкам своим, гуннам. Цыгане до сих пор сохранили нравы, язык, черные волосы, блестящие глаза и резкие черты лица древних синдов вместе с их легковерием, апатичностью, любовью к бродяжничеству, склонностью к воровству и отвращением к работе.

Путешественники, как, например, Бельтрам, говорят, что нравы современных кочующих арабов нисколько не изменились с библейских времен.

В Поти, древнем Фазисе, нравы остались те же, что и во времена Геродота. Сваны до сих пор приносят человеческие жертвы, причем не щадят даже собственных дочерей. У осетин

фамильные имена еще не установились. У лезгин муж до сих пор пользуется правом на жизнь своей жены.

И таким образом вплоть до французов XIX века, которые во многих случаях остались такими же, какими их описали Страбон и Цезарь, то есть воинственными, любящими блеск, неизлечимо тщеславными, красноречивыми и увлекающимися красноречием, любителями всего нового, легкомысленными и неблагоприятными.

В наших современных нравах карнавал есть, в сущности, атавистический возврат к древним римским вакханалиям, праздновавшимся, как известно, с древнейших времен. Некоторые думают, что обычай этот перешел от пеласгов в 497 году до Р. Х. В Риме вакханалии праздновались сначала 17, а потом 19 декабря и должны были продолжаться один день; Август продлил их на три дня, а Калигула – на пять, на самом же деле они всегда праздновались целую неделю. Это был настоящий народный праздник для низших классов: крестьяне отмечали им конец полевых работ; преступники получали свободу, обвиненные оправдывались, рабы могли одеваться как свободные люди, освобождались от работы и даже обедали за одним столом с господином.

В наших карнаваловых торжествах много пережитков, указывающих на их происхождение. В Вероне, например, совершаются процессии, в которых участвуют люди, одетые вакхантами, а также отдельные кварталы со своими значками и в строго местническом порядке, как в Средние века. То же происходит и в Сиене, а в Ивреа, в память победы народа над феодалами в Средние века, все надевают в это время фригийские колпаки.

2) *Мизонеизм в религии.* Мизонеизм проявляется также в религии, литературе и искусстве. По отношению к религии можно даже сказать, что она всецело основана на мизонеизме до такой степени, что в христианстве, например, сохранились от древних религий не только священные облачения египетских жрецов (*митра, фибула*), но и некоторые догмы, имеющие отношение к солнцу, и даже древний фетишизм.

В Австралии, в Индии и даже среди нас, несмотря на обилие пищи, на строгость законов и на сильно развитое чувство милосердия, долго еще сохранялся каннибализм, так же как ритуальные убийства и избиение пленников. Спенсер доказал, что печальным остатком их и до сих пор служит еврейское обрезание, которое, по ритуалу, должно быть производимо каменным ножом, что одно уже указывает на доисторическое происхождение этого ритуала.

Фанатизм процветал даже в самый разгар революции; по смерти Марата Грашэ напечатал тысячи экземпляров надгробной речи, в которой беспрестанно повторялось: «*Coeur de Jesus, coeur de Marat, protégez nous*» («Сердце Иисуса, сердце Марата, покровительствуйте нам»).

Да даже теперь, в центре Европы, разве не опасно еще и не преступно признать себя атеистом, утверждать, что Бог есть гипотеза? А между тем этой *новости* уже более трех тысяч лет... Не считают ли за грех и теперь еще многие работать по воскресеньям?

Но можно найти кое-что и похуже.

Анфоссо приводит яркие примеры того, что среди современного населения земного шара сохранилось еще поклонение камням – эта первобытная форма религии варваров.

Так, тунгусы поклоняются камням; значит, этот культ, когда-то общий первобытным народам, еще сохранился. В начале Средних веков он господствовал и в Европе, притом до такой степени, что Теодорик, архиепископ Кентерберийский, принужден был запрещать поклонение камням; а на Турском соборе в 567 году предписано было священникам не допускать в церкви камнепоклонников.

Несмотря на это, даже теперь, в наше время, около Оропы находится камень, к которому приходят на поклонение бесплодные женщины, чтобы вымолить себе материнство. Во многих долинах Пьемонта и в Сицилии, по древнему обычаю, прохожие бросают на могилы маленькие камешки, которые и скапливаются там большими кучами.

Рядом с культом камней сохранился и культ источников; в Бретани знаменитый колодец св. Анны Орейской и священный фонтан в церкви Сен-Меле до сих пор служат целью паломничества.

Еще в 1791 году много народа ходило к источнику Сент-Фийан в Пертшире, для того чтобы искать воды и выкупаться ради здоровья, как в купели Силоамской^[4]. Все паломники должны были три раза в день обойти вокруг источника, бросить белый камешек в соседний ручей и в конце концов оставить какую-нибудь принадлежность своего туалета в виде жертвы гению – покровителю места.

Полковник Фаберт Лесли говорит, что в Шотландии очень мало церквей, при которых не было бы святого колодца.

В Ирландии очень распространены легенды о келпи, или духе воды, который может принимать различные формы и является то в виде женщины или мужчины, то в виде лошади, а чаще всего в виде быка. Значит, ирландцы не только в прошлом веке твердо верили в существование этого духа, но не совершенно отказались от этого верования и теперь.

Таким образом, культ источников, столь обычный в Индии – стране священного Ганга, перешел и к нам. И теперь еще около Турина, в церкви св. Панкратия, можно видеть бассейн, из которого верующие пьют воду в день местного праздника, и если они недостойны войти в церковь, то сейчас же отрыгивают ее обратно. Вообще, вера в чудотворную воду есть одно из самых постоянных и распространенных суеверий, как это доказывается, между прочим, святынями Лурда и Ла Салетта^[5].

В долине Цересале обыватели имеют обыкновение подвешивать к ветвям деревьев маленькие мешочки с плодами или овощами, что, по всей вероятности, есть остаток древнего культа лесных божеств.

Христианские святые, в свою очередь, по чудесам отождествляются с языческими богами. Так, против бесплодия принято молиться св. Андрею; против эпилепсии – св. Иоанну; против головной боли – св. Дионисию; против болезни глаз – св. Лючии и прочее.

В России мужики поклоняются старым славянским богам под новыми именами. Водан есть старый бог вод^[6]; домовый – гений дома; св. Власий – Волос, бог скота. Там же во многих местностях существует обычай звать священника для благословения коней и колдуна для того, чтобы заговаривать их. Вообще для большинства Бог является еще великим волшебником; недаром славянский Перун, бог грома, и до сих пор ставится на престолах в виде пророка Илии.

Во Франции, в департаменте Сона и Луара, и теперь еще встречаются следы друидизма у так называемых Белых, в их религиозных постановлениях, напоминающих чрезвычайно древний ритуал.

Мертвые утверждает даже, что в Бретани сохранился обычай ставить кельтские памятники, причем один такой был воздвигнут в честь Революции 1848 года.

В самых отдаленных долинах Умбрии как предохранительное средство против молнии употребляются кремневые стрелы; против болезней скота – каменные топорки, огромные кремневые скребницы; против выкидышей – этиты; против расстройства регул – кровавик. В общем, целая фармакопея, очевидно, доставшаяся по наследству от каменного века.

В Бельгии, стране наиболее просвещенной, Хох собрал народных предрассудков и суеверий на целый том в 600 страниц. Тут фигурируют и веревка повешенного, и вода св. Иоанна, и блуждающие огоньки, счастливые и несчастные дни, пасхальные яйца, паломничество на могилы, колдуны, талисманы и прочее.

Питре рассказывает, что женщины в Палермо целый год сохраняют яйца, снесенные курами в Страстную пятницу; Тирабоски говорит, что то же самое делается и в Бергамо, где эти яйца считаются предохраняющими от падения деревьев.

Между тем отец Донато Кальви писал, что в его время (середина XVII века) многие женщины сохраняли яйца, снесенные в Страстную Пятницу, как предохранительное средство от пожара, когда их надо было бросать в огонь.

А что же сказать о суеверном почитании пятницы, столь распространенном и берущем свое начало в первые века христианства? Парижские омнибусы^[7] перевозят в среднем 47 тысяч человек ежедневно, а по пятницам на 27 тысяч человек меньше.

Очень многие, также будто бы ради шутки, а на самом деле всерьез, носят на себе или вешают на шею своим детям в виде амулета маленькую серебряную или золотую свинью. Между тем этот обычай начался еще в Древнем Риме, где, как известно, свинья считалась священным животным. При самых торжественных свадьбах супруга, отправляясь в дом своего мужа, должна была обертывать притолоки дверей шерстяными лентами и смазывать их свиным салом в предупреждение несчастий.

Верность очень древним религиям тоже может служить доказательством мизонеизма. Мы видим, например, что доисторический браманизм устоял против нападений монголов, персов, мусульман и европейцев; а когда Будда явился его реформатором, то массы, в интересах которых он действовал, были против него, и до такой даже степени, что пропаганда буддийской религии – то есть, собственно говоря, очищенного браманизма^[8], должна была перенестись из Индии в Китай, Тибет и на Цейлон. То же самое случилось и с гебраизмом: христианство родилось в Иудее, но народные массы не увлекло за собой, евреи рассеялись по всему свету и до сих пор хранят незыблемыми свои древние суеверия.

3) *Мизонеизм в нравственности.* Мизонеический инстинкт, поддерживаемый религией, может оставить следы достаточно глубокие для того, чтобы образовать своеобразную мораль и вызывать мучение совести при неисполнении какого-нибудь самого отвратительного обычая. Пример этого мы видим в том австралийце, о котором упоминает Сэндер и который, потеряв жену, умершую от какой-то болезни, заявил, что по местным обычаям он должен убить женщину из другого племени. А когда ему пригрозили тюрьмой, то он, мучимый совестью за неисполнение того, что считал своим долгом, совсем перестал говорить. В конце концов ему удалось убежать и выполнить этот священный долг.

4) *Мизонеизм в науке.* В области науки достаточно упомянуть о преследованиях, выпадающих на долю гениальных изобретателей и реформаторов, для того чтобы доказать пагубное влияние мизонеизма, тем более нетерпимого и фанатичного, чем он невежественнее. Имена Колумба, Галилея, Соломона и Уатта – первого изобретателя паровой машины, которого Ришелье засадил в Бисетр, говорят сами за себя.

Потому-то и нет теперь ни одного современного открытия (фотография, электричество, пар, светильный газ), которое не было бы сделано когда-либо прежде, да не один, а много раз, в разные эпохи, и всегда на горе изобретателя. «Пар, – пишет Фурнье, – во времена Гиерона Александрийского и Антемия Траллесского был детской игрушкой. Нужно, чтобы разум человеческий, побуждаемый нуждой, проделал тысячи опытов, прежде чем извлечет из данного факта возможную пользу».

В 1765 году Спеддинг предложил муниципалитету Уайтхэвена переносный газ, совсем уже готовый, но получил отказ; за ним последовали Шоссье, Минкелер, Лебон и Уиндзор, которые не только присвоили себе его открытие, но успели им воспользоваться.

Каменный уголь был открыт в XV веке; колесный корабль – в 1472 году, а винтовой – в 1790 году. Когда в 1707 году Папен придумал двигать суда паром, то был сочтен за шарлатана. Ришэ пишет, что Французская академия еще очень недавно признавала телефон утопией. Дагерротипия существовала в России еще в XVI веке, а у нас в 1566 году была открыта Фабрицио, для того чтобы впоследствии вновь быть открытой Де ла Рошем.

Гальванизм сначала был открыт Котуньо, а потом дю Вернеем. Телефонный аппарат впервые был описан еще в 1824 году.

Даже теория отбора не принадлежит Дарвину; она, как и все прочие, пускает корни глубоко в прошлое.

Знаменитые физики Лурье и Бенуа предсказывали, что электрический телеграф никогда не заменит световой и причинит только убытки. Беррье требовал даже, чтобы опыты с ним были прекращены.

Ньютоновский закон тяготения был уже сформулирован в XVI веке Коперником и Кеплером, а впоследствии дополнен Гуком.

Точно то же можно сказать и о магнетизме, о химии, даже о самой антропологии преступности, которая довольно долго и почти всеми государственными людьми Италии была рассматривается как нечто безнравственное, как поблажка преступлению.

В 1760 году, когда испанское правительство задумало ассенизировать улицы Мадрида, то эта мысль была встречена общим негодованием. Даже врачи, будучи спрошены, заявили, что ассенизация может принести вред, размеров которого даже представить себе нельзя, а между тем она совсем не нужна, так как вредные испарения почвы по тяжести своей держатся внизу, а потому и не портят воздух.

В 1787 году не верили в законы кровообращения; в Саламанкском университете запрещено было изучать открытия Ньютона, так как они противоречат религии; в Мадриде не было библиотеки; корабли были так плохи, что не выдерживали выстрелов из своих собственных пушек.

Верри жаловался на то, что Иосиф II и австрийское правительство пронумеровали дома и осветили улицы в Милане.

Жамезель сообщает, что китайцы всегда смотрят назад, а не вперед; по их мнению, все хорошее идет к нам от предков, а все новое может быть только дурным. Если какое-нибудь новое изобретение окажется полезным, то это значит, что оно уже существовало в древности, но только было позабыто.

Мы смеемся над китайцами, а поступаем также, как они. У нас церковь служит официальной стеной против всяких нововведений в обычаях и в понятиях нравственных, а академии защищают нас от гениальных людей и от нововведений в науке и литературе. Нет ни одного открытия, которое они приняли бы и поддерживали; все новое жесточайшим образом преследуется академиями, и всегда с успехом, благодаря тому что их поддерживают общественное мнение плебеев и правительства, тоже по большинству плебейские.

Однако же не только академики, которые, в большей части случаев, суть ученые тупицы, но и гениальные ученые с азартом преследуют все новое – потому ли, что мозг их уже переполнен и не может вместить ничего лишнего, или потому, что собственные идеи делают их нечувствительными к чужим.

Так, Шопенгауэр, один из высочайших революционеров в философии, относится с величайшим презрением к революционерам политическим.

Фридрих II, инициатор германской политики, стремившийся развить национальные литературу и искусство, даже не подозревал значения Гердера, Клопштока, Лессинга и Гёте. По той же причине он так не любил менять костюмы, что во всю жизнь не имел их больше двух или трех раз. Россини никогда не ездил по железным дорогам; Наполеон не признавал паровой машины; Бэкон смеялся над Жильбером и Коперником – он не верил в применимость инструментов и даже математики к точным наукам! Бодлер и Нодье ненавидели свободных мыслителей.

Вольтер отрицал ископаемые, а Дарвин, в свою очередь, отрицал каменный век и гипнотизм, так же как Робэн и Катрфаж отрицали теорию Дарвина. Лаплас не признавал существования метеоритов; по его словам (покрытым единодушными аплодисментами академиков), с неба не могут падать камни, так как оно не каменное. Био отрицал теорию волнообразного

движения; Галилей, доказавший весомость воздуха, отрицал, однако же, влияние атмосферного давления на жидкости.

Вообще открытия, оскорбляя мизонеическое чувство, возбуждают против себя реакцию, прекращающуюся только тогда, когда путем повторения подготовят людей к принятию новшества.

Вот потому-то серьезные люди могут сохранить за собой общественное уважение, даже придерживаясь древнейших суеверий – заявляя, например, подобно кардиналу Алимондо, что гипнотизм есть дело нечистого духа, или, подобно Брюнетьеру, что материалистами могут быть только негодяи. Между тем человек, спокойно и с достоинством поддерживающий самые скромные материалистические теории (отрицающий существование души, Бога, божественного права или оспаривающий какие-нибудь места священных книг), возбуждает против себя почти единодушное общественное негодование. Первые, даже при крайней неосновательности, никогда не повредят своей репутации. Они, напротив, выиграют, потому что не оскорбляют инстинктивного мизонеизма, а льстят ему. Последние же, если они и вполне правы, никогда не одержат победы над естественной, мизонеической оппозицией масс иначе, как пожертвовав своей репутацией и целой жизнью.

Что же это такое, если не доказательство преобладания закона инерции?

5) *Мизонеизм в литературе.* Мизонеизмом же в большей части случаев обуславливается восхищение древними книгами и развалинами, как бы они ни были безобразны сами по себе. Наследственная привычка дает им, так сказать, свободный вход в наши души. Так, санскрит – для индуса, древнееврейский – для большинства евреев и до некоторой степени латинский – для многих европейцев становятся языками священными, лингвистическим фетишем, даже и помимо употребления их при церковной службе.

Страшное влияние грамматиков в императорском Риме и впоследствии, в Средние века, объясняет нам современное поклонение грамматике, кажущееся нелепым в веке господства естественных наук и математики. Отсюда же идет не менее нелепая, но непоколебимая вера в классицизм, закоренелая даже у людей, достойных уважения, которые заставляют нас тратить лучшие годы нашей жизни на изучение бесполезного языка под предлогом развития вкуса и мышления (как будто бы новые языки на это не годны), а на самом деле ради удовлетворения мизонеического инстинкта.

6) *Мизонеизм в искусстве.* Тут он тоже господствует. В самом деле, если вместе с Гельмгольцем и Жанэ мы станем анализировать основы эстетики, то увидим, что они сводятся к ритму в тонах и симметрии в пластике. Отсутствие симметрии в прекрасном – в гротесках, например, – временно может возбудить любопытство и похвалы, но прочного успеха не добьется.

Мы не находим эстетичными капитель или балкон, если они сделаны из железа, потому что не привыкли к употреблению последнего в архитектуре. Так, древний грек в архитектурных линиях своих мраморных храмов предпочитал мотивы, напоминающие деревянную постройку его предков. По той же причине, как это мы можем видеть в Сицилии, в Салинунте, греки воспроизводили в статуях семитический тип, а норманны, позднее, – мавританский.

7) *Мизонеизм в модах.* Геккель видит господство закона инерции даже в беспрестанно меняющихся капризах моды. Он доказал, что современный сюртук с его пуговицами сзади есть пережиток военного костюма, распространенного три-четыре века тому назад, а жилет есть древняя кираса.

8) *Мизонеизм в политике.* Множество общественных и политических учреждений, считающихся современными, суть не что иное, как обломок древности, и потому только пользуются уважением большинства, представляющим собой условную ложь, как называет это явление Нордау.

Такую ложь представляет собой вера в парламентаризм, на каждом шагу оказывающийся бессильным, так же как и вера в непогрешимость людей, часто стоящих во всех отношениях ниже нас; такой же ложью является вера в суд, который, налагая тяжелую обузу на честных людей, наказывает не более 20 % настоящих преступников, да и то чаще всего психопатов, тогда как остальные гуляют на свободе, пользуясь почетом и уважением со стороны своих жертв.

Дело в том, что условная ложь поддерживается всеми без возражений, так как, передаваясь из поколения в поколение, превратилась в привычку, от которой мы не можем отделаться, даже понимая ее полную бессмысленность. Потому-то, несмотря на противодействие закона, продолжают существовать дуэли – остаток первобытного правосудия, – да не только существуют, а служат даже для решения политических вопросов (как дуэль между Флоке и Буланже); поэтому же, несмотря на противодействие мыслителей, народы смотрят на войну как на какой-то праздник. В самом деле, самые непродуктивные расходы на войну всегда принимаются безропотно, а на народное просвещение и на сельское хозяйство, развитие которых сделало бы нас богаче, образованнее и, стало быть, сильнее, денег не хватает.

В политической жизни мы, латинцы, поклоняемся Кавуру или Мадзини; во время революций каждая партия поклоняется какому-нибудь одному человеку. Достаточно того, чтобы какая-нибудь партия взяла верх, хотя бы ненадолго, – она всегда оставит за собой убежденных сторонников, верность которых будет передаваться из поколения в поколение. Примерами такой верности могут служить сторонники правительств, в свое время признанных проявлением гнева Божия, каковы карлисты – в Испании, легитимисты – во Франции^[9], приверженцы Бурбонов – в Италии и прочее.

То же можно сказать о кастах, господствовавших в течение известного времени, тем более что они сами по себе вполне соответствуют нашему стремлению к неподвижности, потому-то их невозможно искоренить. Индус прежде всего боится изменить своей касте, а между тем измена эта так возможна: достаточно поесть мяса, хотя бы насильно; или съездить в Европу; или, по неведению, съесть обед, приготовленный сторонниками другой религии; или сойтись с женщиной из другой касты и прочее.

По отношению к париям, с которыми ни один человек, принадлежащий к касте, не должен приходить в соприкосновение, принимаются еще большие предосторожности. Еще очень недавно парии, встречая представителя касты, обязаны были обходить последнего на далеком расстоянии, чтобы даже нечистые испарения его не коснулись привилегированного лица.

Таким образом, кастовые предрассудки приковывают каждого индуса не только к той специальной группе, к которой он принадлежит по рождению, но даже к известной профессии, заглушая всякую идею национальности и сохраняя даже анатомический характер расы. Гарофало замечает, что аристократия оставила в нас такое инстинктивное поклонение, что даже демократы при политических выборах отдают предпочтение ее представителям перед людьми гораздо высшими по личным заслугам. Даже те лица, которые, подобно антропологам и психиатрам, знают, что аристократия, по крайней мере у латинских народов, благодаря лени, кровосмесительным бракам и прочему почти выродилась, то есть физиологически стоит ниже буржуазии, даже и они чувствуют к ней инстинктивное пристрастие, подобно тому как жители отдаленных сел – к горожанам. У тех и у других это есть последний отзвук феодального рабства.

Господство теократии прекратилось в нашем обществе, по крайней мере с виду, но попробуйте поднять какой-нибудь вопрос, который бы хоть краешком касался духовенства, – о разводе, например, об уничтожении монашества или хотя бы только об изменении его костюма, и вы увидите, какую оппозицию это вызовет, но, разумеется, под самым либеральным флагом: заговорят о свободе личности, об уважении к женщине, о покровительстве детям и прочее.

Господство военного сословия тоже кончилось, а попробуйте задеть воинственную струнку любого народа, и вы его наверное увлечете. Благодаря этому в бюджетах легко проходят миллиарды на постройку ненужных крепостей, а бедным школьным учителям отказывают в сантимах, потчуют их бесплодными похвалами да обещаниями.

Говорят, что мы теперь все пользуемся равной свободой и равным правосудием, а в сущности, привилегии только перешли на другие касты: теперь не дворянство и духовенство господствуют, а политиканствующие адвокаты, ради которых все мы работаем почти без вознаграждения. Правосудие превратилось в пустое слово. Нордау справедливо говорит, что современный цивилизованный человек должен не только сам себя охранять совершенно так же, как это делают варвары, но еще и платить деньги правительству за охрану, которую оно ему не дает, но должно давать по теории.

Если взглянуть пристальнее, то весь современный государственный механизм работает в пользу адвокатов, для которых золото, отнятое мошенниками у честных людей, превращается в капиталы, точно так же, как земля под влиянием червей превращается в плодородный *humus*. В Соединенных Штатах, стране архидемократической, состав действительно самодержавного народа сводится к двум или трем сотням тысяч субъектов, находящих средства к жизни в занятии политикой, так что издержки на их избрание покрываются бюджетом государства. Благодаря этому вместо трех тысяч чиновников, как было тридцать лет тому назад, там теперь их больше ста тысяч.

Сама революция 1789 года, уничтожившая все привилегии, действительно разорила крупных собственников, но поставила на их место крупных торговцев – буржуа; мелким же собственникам она ничего не дала.

Во времена Тюрго одна четверть рабочих занималась сельскохозяйственным трудом, а теперь только одна восьмая. Между тем наши рабочие, по словам Летурно, Молилари и Ваккаро, равно как и наши крестьяне – по нашим собственным наблюдениям, – находятся в худшем, может быть, положении, чем древние рабы.

Виллари полагает, что участь нашего простого народа ухудшилась с введением свободы. По мнению Пани-Росси и Туриелло, отношения, существовавшие когда-то между господами и рабами, существуют теперь между буржуа и плебеями.

В общем, прошлое до такой степени в нас укоренилось, что самые независимые из нас чувствуют к нему могучее влечение. Так, мы сколько нам угодно можем быть неверующими, но богослужение производит на нас неотразимое впечатление; мы можем быть сторонниками равенства, но, как выше сказано, потомки баронов вызывают в нас невольное почтение; мы можем сознавать бесполезность иных законов, но тот, кто их защищает, тотчас же найдет тысячу последователей только потому, что эти законы существовали. И если цивилизация все-таки идет вперед, то лишь благодаря переменам в физической и нравственной обстановке народов, а также благодаря гениям или сумасшедшим, дающим ей множество мелких толчков, которые в течение веков слагаются в одно крупное усилие. Поэтому-то Макс Нордау думает (несколько преувеличивая), что просвещенные деспоты более содействуют прогрессу, чем все революционеры, вместе взятые.

Но прогресс этот может осуществиться все-таки очень медленно; кто хочет ускорить его, тот пойдет против физиологической природы человека. А потому великая революция, не представляющая собой эволюцию, должна считаться патологической и преступной.

9) *Мизонейзм в наказаниях. Против обычая.* Вот почему мы видим, что в первобытных законодательствах нарушение обычая считается самым важным преступлением, безнравственностью. В этом и лежит зачаток почти всех законов, установленных впоследствии для того, чтобы оградить государство от восстания против существующего порядка, или для того, чтобы наказать за покушения на жизнь глав правительства, обыкновенно принадлежащих к числу потомков главы первобытного племени. Будучи хранителями обычая, эти главы в силу мизо-

неизма признаются священными и, пользуясь сами полной безнаказанностью, считают всякое неповиновение их воле преступлением.

Из этого видно, что во времена первобытные, когда человеческое общество только зарождалось, понятие о политическом преступлении было гораздо яснее, чем теперь, а потому и наказывалось решительнее.

У фиванцев человек, предлагавший реформу закона, должен был являться с петлей на шее и быть немедленно удушен, если народ не принимал его предложения.

Кодекс законов Ману следующим образом выражается о нарушении обычая: древние обычаи суть главные законы, полученные с помощью откровения, а потому всякий, желающий блага своей душе, должен сообразовываться с древними обычаями. Вот почему Ману, зная, что закон должен опираться на древние обычаи, основал на них свой ритуал и свои наказания.

И действительно, если в Индии религиозные и общественные учреждения, враждебные всяким новшествам, устояли против напора времени, оружия победителей и влияния соседних народов, то только благодаря стремлению законодателей карать всякое нарушение древних обычаев как важнейшее из преступлений.

Так, шудра, осмелившийся критиковать поведение браминов и давать им советы, подвергался пытке кипящим маслом. А для самого брамина, как мы видели выше, является преступлением не только выезд за границу, но и общение с иностранцами^[10].

Равным образом у евреев поклонение идолу считалось величайшим преступлением, так же как и несогласие с мнением священников.

«Вы не можете говорить дурно о судьях и не проклянете князя народа вашего». «Человек гордый, не подчиняющийся решению священника или судьи, да будет казнен смертью».

Египтяне в течение долгого ряда веков с религиозным почтением хранили в целостности текст своих законов.

Диодор Сицилийский рассказывает, что видел в Бубастисе колонну, на которой было написано: «Я есмь Изида, царица сей страны, воспитанная Гермесом, я установила законы, которых никто изменить не может».

Египтяне довели любовь к неизменности до такой степени, что для живописи, ваяния, пения и танцев установили особые законы, нарушать которые считалось нечестивым. Даже отрицательное отношение к лекарствам, указанным в священных книгах, считалось кощунственным; врачи, не употреблявшие этих лекарств, подлежали смертной казни в случае неуспеха лечения.

То же можно сказать и о перуанцах, у которых народ так был связан обычаями, что не мог переезжать с места на место или менять костюм без дозволения правительства.

В Китае целый ряд веков дело шло таким же образом, да и до сих пор эта страна враждебно относится к европейской цивилизации. В 1840 году хозяин одного судна, пользовавшийся европейским якорем, был наказан и само судно разрушено.

В законах китайских династий встречаются следующие курьезные примеры мизонеизма:

«Кто изменит слова в законах, кто нарушит порядок титулов и *изменит правила*, кто будет проповедовать ложные учения для того, чтобы пошатнуть государственный строй, – смертная казнь. Кто сочиняет соблазнительную музыку, кто шьет необычное платье, кто фабрикует искусственные механизмы или какие-нибудь необыкновенные вещи для того, чтобы смутить дух князя, – смертная казнь».

Из постановлений менее важных, огражденных только денежным штрафом, можно отметить следующие:

«Обыкновенная посуда, не соответствующая законной мере; всякие ткани, в которых число нитей или размеры не соответствуют закону; произвольные цвета, *не соответствующие чистым, первоначальным*; дерево, не по закону распиленное, – не продаются на рынке».

Здесь мы уже видим настоящий физиологический мизонеизм, не позволяющий даже употреблять цвета, отличные от общепринятых, совершенно так же, как это мы видим у животных и первобытных народов².

Во всех греческих городах нарушение самых диких обычаев и верований считалось политическим преступлением: Сократ был осужден за неверие в богов Аттики и за намерение придумать новых^[11]. Даже народные суеверия требовали к себе уважения: Анаксагор был изгнан и приговорен к штрафу за то, что назвал Солнце раскаленным камнем; Клеанф Самосский требовал, чтобы афиняне осудили Аристарха за нечестие, так как последний утверждал, что Земля движется по эклиптике и вращается вокруг своей оси.

У даяков считалось преступлением против нравственности рубить стволы деревьев по-европейски, наискось, а следовало рубить их перпендикулярно к оси.

В Древней Руси, по словам Степняка, духовный совет наказывал за введение новой прически или нового блюда; в 1563 году первая типография была там закрыта как создание дьявола.

И у нас еще не так давно попытка изменить самые ничтожные обычаи считалась государственным преступлением. Павшие деспотические правительства в Италии преследовали как своих личных врагов не только настоящих заговорщиков, но и всякого, кто носил усы.

III

Филонеизм

Теория мизонеизма, впервые выдвинутая во Франции, в «*Nouvelle Revue*», вызвала возражения со стороны гг. Брюнетьера, Проалья, Тарда, Жоли и Мерлино.

Они рассуждали так: дети, женщины и дикари очень любопытны и любят всякие новости, да и среди мизонеистов сами же вы приводите имена академиков, которых нельзя заподозрить в невежестве. Кроме того, художники могут иметь успех, только открывая новые пути в искусстве; все народы любят перемену, что доказывают своими эмиграцией и вторжениями – нашествие варваров представляет собой блестящий тому пример. Как же можно строить теорию политических преступлений на таком шатком основании? Да и, кроме того, если существуют *мизонеики*, то существуют и *неофилы*, друг друга уравнивающие.

«Всякий из нас, – пишет Тард, – рядом с привычкой, то есть физиологическим мизонеизмом, обладает и капризами – рядом с наклоном к повторению имеет и наклонность к новому. Если первая из этих нужд есть основная, то последняя представляет собой ее сущность, повод к ее появлению».

Для того чтобы отвечать на эти возражения, необходимо предварительно договориться.

В маленьких нововведениях, в капризах, доставляющих упражнение нашим органам, все мы, разумеется, очень нуждаемся соответственно полу, возрасту и степени интеллектуального развития. Маленький ребенок обрадуется кукле, но испугается при виде маски или крупного животного; я видел таких, которые падали в обморок при виде воробья или мухи. Женщине доставит удовольствие нарядиться, надеть новое платье, побывать в театре, но она придет в ужас от одной мысли о новой религии, а пожалуй, и от большинства новых открытий до такой степени, что многие и до сих пор отказываются носить ткани машинной работы; даже швейные машинки распространялись между ними весьма медленно. Затем, уверять, что дикари любят новое, потому только, что они, по словам Эллиса, выпрашивали Библию (принимая ее, может

² Гонкуры говорят, что если бы «*Revue des Deux Mondes*» переменял цвет обложки, то потерял бы до 2000 подписчиков.

быть, за игрушку) или оружие, пользу которого видели воочию, – значит не понимать их натуру, так как, даже проведя несколько лет среди цивилизованных людей, в современной обстановке, они возвращались в свои леса, где опять начинали ходить голыми, хотя одежда не была бы для них и там предметом роскоши.

Точно также верить, вместе с кардиналом Массайя, что они охотно прививают себе оспу, даже требуют этого, значило бы забывать, что даже между нами вакцинация часто встречает ожесточенных противников. Разве Стэнли не рассказывал, что во время его последнего путешествия, когда в лагере открылась эпидемия оспы, многие больные, даже видя, что вакцинированные занзибарцы не умирают, все-таки отказывались вакцинироваться?

По словам Гарда, «суеверное поклонение диких народов различным сумасшедшим, слышущим пророками и святыми, не согласуется с тем отвращением ко всему новому, из ряда вон выходящему, которое я им слишком произвольно приписываю». Но ведь причиной этого поклонения служит страх, соединенный с невежеством, которое заставляет их принимать болезнь за наитие Св. Духа. Да наконец, я далек от того, чтобы отрицать влияние сумасшедших на развитие филонизма и революции (как мы это увидим далее), хотя варвары уважают их вовсе не за новые и полезные идеи.

Что же касается академиков, то они, конечно, восторгаются новым видом какого-нибудь растения или открытием финикийской надписи, дающей им возможность узнать имя главы племени, или рисунком винта новой формы, но они зато отвергают телеграф, телефон, железную дорогу, законы, открытые Дарвином.

Художник также весьма охотно создает новую арабеску, переменяя фон с розового на голубой, но он никогда не добьется успеха на новом пути в искусстве. Отрицательное отношение образованных классов общества и академических кружков к Золя, Бальзаку, Флоберу и всемирные скандалы, устроенные братьям Гонкурам, Россини, Верди, доказывают это неоспоримо. Первый, по крайней мере, попробовавший новый путь в живописи, литературе и прочем, никогда не встретит ничего, кроме ненависти и презрения.

Смеясь над незыблемо установленными моделями египтян, мы забываем, что типы Иисуса Христа и Божьей Матери в нашей живописи не изменялись в течение восемнадцати веков.

Мизонизм академиков вовсе не исключает наибольшей его интенсивности среди невежд, как это мне выставляли на вид во Франции. Каждый класс, всякая каста отличаются особым родом невежества и особым сортом мизонизма, пропорциональным этому невежеству. Мы доказали это даже по отношению к гениальным людям, которые бывают велики с одной стороны только потому, что они ничтожны с другой; такое же доказательство мы видим и в том, что самые горячие неофилы – анархисты – являются противниками теории мизонизма, ярким подтверждением которой служат сами. Бисмарк презирал парламентаризм, мирное решение международных споров и латинский – лучше сказать: европейский – алфавит; Флобер и Россини боялись железных дорог. Государственные люди, управляющие Европой, не все, конечно, гениальны, но они все же не лишены интеллектуальной культуры; как же объяснить то, что они с постоянно растущим усердием и упрямством стремятся увеличить армии и вооружение государства, притом до такой степени, что разоряют народ больше, чем могла бы разорить самая несчастная война?

И все для того, как они говорят (по-видимому, искренно), чтобы избежать войн. А между тем четвертой части тех денег, которые тратятся на вооружение, хватило бы на решение социального вопроса, то есть обеспечение народам счастья, столь будто бы дорогого сердцу правителей, но на деле все более и более ими отдаляемого. Настоящая причина этого отдаления лежит в их отвращении к новым путям, в наклонности держаться за старые обычаи, начало которых восходит к временам существования военных каст. В самом деле, душа большинства людей, по крайней мере немцев, больше лежит к бравому гвардейскому капталу, чем к уче-

ному. В парламентах запрещается рассуждать о постройках новых крепостей, как бы дорого они ни стоили, а о постройке новых школ можно спорить сколько угодно. Во Франции, в Италии, в Германии оспаривать военный бюджет, как бы он ни был бесплоден и разорителен, значит поднять руку на святыню, совершить государственное преступление.

Но ведь наука есть нововведение, а военное искусство восходит к седой древности, идет от Ахилла, если не от Каина.

И я нисколько себе не противоречу, говоря, что современные французы любят все новое так же, как их предки. Я слишком люблю французов и люблю ими, чтобы льстить им и не высказывать своей мысли вполне. Франция, несомненно, стоит во главе латинской расы, но она больше, пожалуй, предпочитает мелкие новости крупным нововведениям. Она всегда любила бурные революции больше их полезного результата: великая религиозная реформа – протестантизм задел ее только краем; великая конституционная реформа укоренилась в ней только два с половиной века спустя после Англии.

Бальзак писал: «Во Франции временное становится вечным, хотя французов и подозревают в любви к переменам».

Для того чтобы быть принятой французами, новость должна принадлежать к числу тех, которые не нарушают их обычаев. Недаром они изобрели слово «рутина».

Французы охотно меняют костюмы, министров, внешнюю форму правления, но в душе всегда остаются верными древним друидическим и империалистским тенденциям. Не так давно еще в Бретани и департаменте Вандея командовал священник. В разгар Республики французы дрались за папу. Обладая Фурье и Прудоном, а что еще важнее – всеобщей подачей голосов, они до сих пор не имеют закона, дающего удовлетворение справедливым требованиям бедных и рабочих людей.

Правда, что они создали Жакерию^[12] и восемьдесят девятый год, но это были минутные вспышки, вслед за которыми они падали еще ниже. В самом деле, несколько веков спустя после Жакерии мы видим, что те же самые крестьяне, которые ее проделали, целуют лошадь курьера, привезшего добрые вести о здоровье короля, и какого короля! – Людовика XV, которого скорее можно было назвать палачом, чем устройтеlem своего государства. Прогнав стольких королей и императоров, они чуть было не попали под власть кукольного цезаря в лице генерала Буланже.

Помимо этого, многие частные факты, рисующие их характер, доказывают, насколько они в душе консервативны. Вот хоть бы, например, уважение, которым пользуются в высших классах народа академики, или страсть к генеральским титулам и орденам. Почти в такой же степени, как у итальянцев!

«Франция академична», – пишут Гонкуры в «Манетт Саломоне».

Сарсэ рассказывает, что во время осады Парижа, когда в продажу было пущено мясо животных из ботанического сада, его покупали только образованные люди, а простой народ скорее готов был умерить себя голодом, чем дотронуться до этого мяса.

Известно, с каким упрямством французы под разными предлогами противятся реформе орфографии, которая есть не что иное, как остаток древнего произношения.

Недавно один инженер из Бордо писал мне, что, изобретя аппарат, очень удобный для выгрузки товаров с кораблей на набережную, он встретил оппозицию со стороны именно тех разгрузчиков, которые прежде всех получили бы выгоды от его изобретения.

Парижский медицинский факультет не только противился употреблению рвотного камня, вакцины, эфира и антисептического метода, но даже преследовал врачей, которые вместо традиционного мула употребляли лошадей для развозов по больным.

Не в ученой ли Германии вошел в моду антисемитизм? А Россия не превратила ли его в закон империи?

Не сохраняется ли в некоторых местах Сицилии древний обычай бальзамирания и раскрашивания трупов, бывший в употреблении у египтян?

Недавний процесс, разыгравшийся в Турине, показал, что не только простой народ, но и многие из лиц, принадлежащих к образованным классам, охотнее лечатся у знахарей, напоминающих средневекового колдуна, чем у настоящих врачей.

Все это доказывает, что филонеизм есть скорее исключение, чем правило.

Мне говорят, что всегдашнее стремление народов к переселению должно служить доказательством их любви к перемене; но прежде, чем утверждать это, следовало бы изучить причины, побуждающие людей переселяться. Цена сельскохозяйственного труда с каждым годом падает, а между тем крестьяне не уходят от земли, которую страшно любят и которая их больше связывает, чем феодальные законы. Только тогда, когда начинают развиваться эпидемии, порожденные хлебом плохого качества, вроде пеллагры и акродинии, например, только тогда, когда голод и болезни губят их тысячами, крестьяне начинают думать о переселении. Да и затем в течение долгих лет они не перестают вспоминать о своей родине, которая дала им только болезни и страдания.

Бедные эмигранты из Тревизо говорили мне: «Нам оставалось только умирать; жизнь на родине стала совершенно невозможной, и только поэтому мы решились эмигрировать».

Что касается вторжения варваров, то его только по неведению можно считать внезапным движением, почти беспричинным капризом масс. Все давно уже допускают, что это движение было очень медленным и началось еще за три века до Р. Х., так что вторжение кимбров, шедшее из Ютландии, было только одним из его эпизодов^[13]. Переход через Балтийское море не представлял никаких затруднений. У жителей побережья судов было достаточно, а от Карлсруэ до ближайших портов России и Померании не более тридцати четырех лье.

Германцы, будучи более охотниками, чем земледельцами, естественно, должны были беспрестанно менять свое местожительство. Известно в самом деле, с какой быстротой истощается дичь; а это истощение заставляет людей, живущих охотой, постоянно переходить с места, и притом на громадные расстояния. Поэтому эмиграция в данном случае есть результат закона инерции, так как народы не сумели заменить подвижную и неудобную форму существования другой, более устойчивой. Городов у них не было, а были подвижные лагеря, вроде тех, которые и теперь устраиваются африканскими дикарями. Подобно всем кочующим охотничьим племенам, германцы при первом проблеске возможности завоевать себе новые территории в более теплом климате бросали свои леса и поднимались вместе с женами и детьми. Долгое время все усилия их оставались тщетными, потому что до эпохи Марка Аврелия^[14] они, подобно дикарям Америки, были разделены на сорок отдельных маленьких племен, рассеянных по обширной территории и враждующих между собой. Не будучи знакомы с употреблением кирас, едва привыкшие пользоваться железом, не имея кавалерии и не зная тактики римских легионов, они были не в состоянии бороться с ними.

Несмотря на это, однако же, племена германцев, свевов и готов, оттесненные от итальянской почвы, оседали на почве Галлии. Цезарь говорит о свевах как о самых опасных из встреченных им врагов и сообщает, что германцы постоянно проникают в Галлию.

Медленное передвижение народов тянулось долго, так как мы видим, что и после Августа римляне встречают разные народы в одних и тех же местах, как утверждает Прокопий и многие другие.

Когда Рим времен падения начал пополнять свою армию германцами и перестал тщательно охранять границы от прихода не только отдельных семей, но целых племен германских, то он оказался безоружным против врага, поселившегося в его собственном доме, овладевшего его оружием, познакомившегося с его тактикой и слабостями. Уже при Тиберии всеми было признано, что главную силу римского войска составляют вспомогательные отряды, состоящие из иноземцев. Сначала их было немного, но затем, когда римские граждане стали избегать военной службы, а сенаторам при Галиене было запрещено командовать армией, то число их сравнялось с числом легионеров и даже превзошло последнее.

Ко всем этим главным причинам эмиграции присоединяются второстепенные.

Гиббон говорит: «Когда настал жестокий голод, то германцам оставалось только послать треть или четверть своих молодых людей искать счастья в других местах».

По словам Павла Диакона, эмиграция обуславливалась несоответствием между количеством населения и средствами к существованию. Не будучи земледельцами, германцы не были привязаны к земле; достаточно было чумы или голода, победы или поражения, прорицания оракула или красноречия вождей для того, чтобы заставить их идти в теплые страны, на юг. А климат Германии был тогда, по-видимому, холоднее, чем теперь.

Гуннов погнала к западу необходимость бежать от гнета победоносных врагов; арабов двинул на Византию и Персию религиозный фанатизм, а кимвров и тевтонов бросил на Галлию и Италию религиозный террор.

Часто, между прочим, к переселению понуждала страсть к вину и спиртным напиткам. Согласно одному преданию, отвергаемому, однако же, некоторыми историками, лангобарды спустились в Италию лишь после того, как воины Нарзеса принесли домой итальянские фрукты, соблаздившие их вкус.

Всего этого совершенно достаточно для того, чтобы объяснить себе медленное движение народов севера к югу, впоследствии победившее законы инерции и ставшее неудержимым.

Надо заметить, что это движение не кончилось с достижением цели, но, подчиняясь закону инерции, вследствие которого всякое движение должно продолжаться бесконечно, если не будет остановлено трением, оно продолжалось в виде крестовых походов, вторжения норманнов в Сицилию и, наконец, в виде пилигримства, которое вошло в привычку и не прекращалось, несмотря на отсутствие необходимости менять место.

Другой причиной филонезизма служат последовательные движения, рождающиеся из первичных. Так, Ренан полагает, что магометанство явилось продолжением христианско-иудейской революции: «Мухаммед был назарянин – иудеохристианин. Семитический монотеизм возвратил в нем себе свои права и отомстил за мифологические и политеистические осложнения, внесенные греческим гением в теологию первых учеников Иисуса».

Можно сказать более: в революциях, а уж особенно в бунтах, в восстаниях, прогресс, следуя тому же закону инерции, принимает движение ускорительное и сильно стремится к крайностям, которые его и губят.

Так, Кромвель доводит страну почти феодальную и ультрамонархическую до царубийства и демократической республики, причем лорды теряют всякое значение, а сторонники свободы стесняют последнюю до такой степени, что стремятся уничтожить адвокатское сословие и университеты, воспрещают танцы, спектакли и даже празднование Рождества Христова, разбивают статуи и сжигают священные картины. Все это ведет к реакции при Карле II, которому парламент вручил абсолютную власть. Точно таким же путем христианство приходит к кастрации и к уничтожению собственности. Крайности, совершенные в 1789 году, всем известны.

«О Христе нищие», которым христианство обязано своими первыми шагами, по прошествии века скандализировали церковь, и учение их было признано кощунственным.

Вот это-то стремление переходить границы, обусловленное чересчур страстным отношением к делу, губит восстания, ведет их к самоубийству путем эксцессов и уничтожает или по крайней мере уменьшает прогресс, достигнутый революциями.

Следовательно, самое серьезное возражение против мизонезизма представляет собой и самое яркое его подтверждение. Человек – как и животное, как растение, как камень – пребывает в неподвижности, если внешние силы тому не помешают и не бросят его в противоположную крайность, в которой он вновь может быть иммобилизован.

Во всяком случае, в силу законов инерции всякие перемены совершаются очень медленно и дают возможность возврата. Движение становится постоянным и даже ускоряющимся лишь тогда, когда силы, его обусловившие, не только постоянны, но и увеличиваются.

В общем, филонеизм как причина прогресса одерживает иногда верх над законом инерции, по крайней мере в белой расе и у многих желтых народов, но он никогда не бывает результатом естественных, внутренних стремлений человека, а всегда обуславливается силами внешними, физическими, социальными (сумасшедшие, голод, завоевания), историческими и прочими, которые, собственно, и побеждают инерцию. Он есть, следовательно, равнодействующая маленьких и незаметных влияний житейской обстановки человека совместно с влияниями более крупными – воздействием обстановки физической, так же как работой гениев и сумасшедших, хотя последняя и является иногда бесплодной в данное время. Мы видим только эффект этой равнодействующей, так как без телескопа истории и социологии не можем различить тех маленьких сил, из которых она слагалась в течение долгого времени. Точно так же мы, глядя на Сириус, не можем себе представить, чтобы лучам его понадобились века, чтобы дойти до нашего глаза, а глядя на громадные коралловые острова, с трудом верим, что они построены миллиардами маленьких зоофитов, целые тысячелетия работавшими над этой постройкой.

И пусть никто не говорит, что филонеизм и прогресс представляют собой реакцию, пропорциональную акции мизонеизма, напоминающую колебания маятника.

Маятник не двигался бы, если б его не толкали, и даже самые маленькие его колебания происходят все-таки от внешних толчков, хотя бы незаметных.

Закон инерции всюду постоянен, так что всякое движение продолжалось бы вечно, если бы ему не мешало трение.

Мячик летает и прыгает, но только тогда, когда его двинула внешняя сила, и если бы он не встречал препятствий и не испытывал трения о воздух, то летал бы вечно. Инерция есть общий закон, и перемены, производимые внешними силами, менее общими, менее постоянными и настойчивыми, касаются больше внешности, чем сути вещей.

Перемены эти, однако же, производимые внешними силами и совершающиеся очень медленно, замечаются не только в среде людей и животных, но даже в мире неорганическом. Так, соли меди и кальция при некоторых условиях обстановки и перемен температуры меняют цвет, не изменяясь, однако же, в молекулярном строении и продолжая давать обычные химические реакции.

IV

Революции и бунты. Обоснование понятия политических преступлений

Если, следовательно, органический и нравственный прогресс должен идти весьма медленно в силу естественных толчков, производимых внешними и внутренними обстоятельствами, и если человек и человеческое общество являются консервативными по инстинкту, то слишком произвольные, внезапные и резкие усилия для того, чтобы ускорить его, должны считаться нефизиологичными. Будучи юридически необходимыми для угнетенного меньшинства, эти усилия все-таки антисоциальны, а потому и преступны. В большей части случаев даже бесполезно преступны, так как возбуждают мизонеистическую реакцию, которая, опираясь на основные свойства человеческой природы, оказывается более сильной и идет дальше, чем предшествовавшая ей акция. Всякое прогрессивное движение, для того чтобы упрочиться, должно идти медленным шагом, а иначе оно будет не только бесполезным, а прямо вредным.

Люди, стремящиеся навязать обществу политическое нововведение резко, без особой надобности и наперекор традициям, будят мизонеизм и вызывают реакцию, оправдывающую приложение к ним закона о возмездии.

1) *Революции и беспорядки.* Вот тут-то и проявляется разница между революциями собственно так называемыми – процессом медленным, подготовленным обстоятельствами,

неизбежным, слегка ускоряемым разве только гениальными невропатами или историческими случайностями, – и бунтом, восстанием, которое всегда бывает внезапным, искусственным, подогретым, а потому уже в зародыше обреченным на верную смерть.

В истории революция есть синоним эволюции. Раз государственный строй данного народа, религиозная система или научная теория перестали удовлетворять новым условиям существования, они *должны* измениться с *наименьшим* трением и *наибольшими* результатами. Поэтому-то заговоры и бунты, сопровождающие революцию, – если уж без них нельзя обойтись, – бывают обыкновенно едва заметны и следы их быстро изглаживаются. Это не что иное, как проклевывание яичной скорлупы цыпленком, достаточно созревшим. Главным отличительным признаком настоящей революции является, стало быть, успех, наступающий рано или поздно, смотря по тому, насколько созрел цыпленок, насколько перемена для народа необходима.

Другой отличительный признак революции есть медленное и постепенное развитие, служащее залогом успеха, так как тогда она легко переносится и совершается без особых толчков, хотя обуславливает иногда некоторое насилие сторонников старого порядка, которые всегда будут в силу мизонеизма и универсальности закона инерции.

Затем, революции всегда бывают более или менее распространены, общи целому народу, тогда как бунт есть дело отдельных партий, каст или индивидуумов. В первых принимают участие все классы народа, и высшие в особенности (если только революция направлена не против них, конечно); в последних высшие классы почти никогда участия не принимают. Правда, что благодаря мизонеизму инициатором общего движения всегда является небольшая кучка или партия – но партия, которая чувствует, предчувствует скрытое напряжение, разлитое в массах.

Такие чуткие души, пионеры революции, размножаются прямо пропорционально времени (в продолжение целых веков иногда) и приобретают сторонников даже в среде противной партии.

Социальный порядок, также как и порядок органический, устраивается путем медленных и мелких усилий.

Идеи Иисуса Христа и Будды, подготовленные в течение веков другими, менее счастливыми гениями, терпят поражение у народов, среди которых возникли, и побеждают в других местах. Но победа эта дается им после трехвековых усилий, употребленных адептами для распространения соответствующих учений в среде самых низких и неинтеллигентных слоев народа, притом не путем насилия, а путем благодати и убеждения.

Плебеи 250 лет боролись в Риме за свободу, постоянно встречая от сенаторов один и тот же ответ: «Ваши предложения слишком новы», так что свобода была дана одним из них и взята другими лишь для того, чтобы быть сейчас же потерянной – сначала в анархии, а потом в диктатуре и империи.

Апостолов у Иисуса Христа было только двенадцать, но 150 лет спустя в одном только Риме, в катакомбах, оказалось 737 христианских гробниц, и Ренан высчитал, что ко времени Коммода в Риме было 33 тысячи христиан.

Известно, что сам апостол Павел был сначала ожесточенным врагом Христа.

Перед 1789 годом Робеспьер считался конституционалистом и даже роялистом.

Английская революция до того времени, когда Карл I задумал арестовать четырех членов парламента, была антиреспубликанской, даже строго роялистской, но революционные идеи гнездились в умах народа, и самые усердные сторонники короля, не будучи слепы, первые встали против него после вышеупомянутой деспотической попытки.

Бунты вспыхивают обыкновенно из-за пустяков³, под влиянием алкоголя, подражания, а чаще всего – климатических условий, как это я покажу далее, и прекращаются тем скорее,

³ Саккетти сообщает, что в 1354 году в Тоскане чуть не вспыхнул бунт из-за того, что осел Альбицци толкнул Риччи,

чем более бурно начались. Не опираясь на возвышенные идеалы, они или не достигают никакой цели, или приводят к результатам, противным общему благу. Они очень часты у народов остальных (например, на Санто-Доминго, в маленьких средневековых республиках и в Южной Америке), а также среди необразованных классов народа и лиц слабейшего пола. Преступники участвуют в них гораздо чаще, чем честные люди.

Революции, напротив того, очень редки, никогда не совершаются у народов отсталых и всегда возникают по важным причинам и из-за возвышенных идеалов. Страстные люди, то есть преступники по страсти, и гении принимают в них участие чаще, чем преступники обыкновенные.

«Великие народные помрачения, – пишет Бонфадини, – те, которые оставляют за собой неизгладимые следы, суть почти всегда результаты причин нравственных, хотя бы предложениями для них и служили чисто экономические мотивы. Народы легко выносят даже крупные неудобства в практической жизни, если чувствуют, что душа их свободна. Но если они чувствуют, напротив того, что свобода эта стеснена, то редко выносят даже экономическое благосостояние, даваемое им умелым правительством взамен свободы воли».

Французская революция началась ропотом против хлебной монополии, а между тем первый акт насилия, совершенный народом, был направлен не против булочников, а против Бастилии. Восстание англичан против Стюартов началось отказом Хэмпдена платить налоги, а между тем Карла I судили за презрение к правам и вольностям народа.

Дело в том, что настоящие революции – такие, которые дают результат, – всегда начинаются и проводятся мыслящими классами народа.

Глубокие и прочные изменения государственного строя создаются не руками, а идеями. Когда двигаются одни только руки, то происходит не революция, а бунт, героем которого является Мазаниелло, а не Кромвель и не Кавур.

Из этого следует, что если бунты кончаются со смертью вожаков, то революции, напротив того, получают от таких смертей новый толчок, и если вначале они не блещут успехами, то кончают обыкновенно полной победой, в противоположность бунтам, которые только в самом начале и кажутся победоносными.

Так бывает даже при столкновениях слабых народов с сильными, как в Греции, Голландии, в Милане в 1848 году и в предприятии Гарибальди.

Если сначала эти революции казались неудавшимися, то зато они послужили началом медленного брожения, давшего им в конце концов победу. Так народная партия в Риме, подавленная Суллой, восторжествовала при Цезаре; так во Флоренции побежденные Чиомпи добились победы при Медичи. В новейшее время революционные движения 1848 и 1849 годов в Венгрии и Италии, сначала жестоким образом усмиренные, привели к завоеванию этими нациями политической независимости.

Все это объясняется тем, что революции возникают лишь на почве совершенно подготовленной, от толчка, производимого гениями или мономанами, благодаря оригинальности и остроте их разума, а также меньшему мизонеизму, предчувствующими потребности, которые впоследствии будут ясно осознаны всеми. Вначале мизонеистическое большинство бывает неспособно разделять взгляды этих людей, но позднее, когда их предчувствия оправдываются, оно уже смело идет за ними, представляя собой громадную силу. Достижению результатов начинает помогать тогда и реакция, возбужденная их страданиями и несправедливостью, им оказанной. Доказательство всему этому можно видеть в примерах Лютера, Текени, Мадзини, Гарибальди и прочих.

Но если почва не подготовлена как следует и масса публики далеко отстала от провозвестника новых идей, то его не слушают, сторонниками его являются только фанатики, пре-

который ударил за это бичом погонщика.

ступники и сумасшедшие, вместо революции выходит бунт, вместо здорового движения – судорога, служащая доказательством болезненного состояния общества.

Вот почему, как мы увидим, бунты чаще возникают в странах жарких или лежащих на большой высоте, где меньшее атмосферное давление вызывает аноксию, тогда как революции чаще случаются в умеренном климате. Не надо забывать, что евреи, например, переходя из теплых стран в холодные, становятся почти совсем арийцами, между тем как чистые арийцы – вандалы, например, переходя из умеренных стран в Африку, претерпевают обратное развитие.

Вот почему также есть страны, в которых никогда не было настоящей революции, в которых религия постоянно остается католической, браминской или фетишистской, а правительство – личным и деспотическим, даже в так называемых республиках. Между тем в Англии, в Северной Америке, в Германии, где были настоящие революции, почти нет бунтов.

В общем, революции суть явления физиологические, а бунты – патологические. Поэтому первые никогда не могут считаться преступными, так как освящаются и поддерживаются общественным мнением, а последние, наоборот, почти всегда бывают если не преступлением, то чем-то эквивалентным последнему.

2) *Нечто среднее.* Бывают, однако же, случаи, представляющие собой нечто среднее между бунтом и революцией. Таковы суть перевороты, вызванные справедливой причиной, притом не личной, а общей, но начатые слишком преждевременно, как, например, перестройка России Петром Великим, движения, созданные Помбалом – в Португалии, Колой ди Риенци и Мазаниелло – в Италии. Сюда же относятся движения, вышедшие из низших слоев народа, как, например, христианство и буддизм, Жакерия во Франции и прочие, или – из самых высших, как нигилизм и движения 1821 и 1831 годов в Италии. Правда, иногда они одерживают победу, но до тех пор, пока не приспособятся к среде, должны быть рассматриваемы как преступления – конечно, временные только, так как в более или менее далеком будущем будут признаны за героизм.

В самом деле, не будучи продуктом чисто физиологическим, они почти всегда оставляют дело в незаконченном виде и часто попадают в руки настоящих преступников и настоящих сумасшедших.

Лучшим примером движений такого рода я считаю начало Французской революции 1789 года. Она сразу была встречена общим сочувствием, выразившимся в подаче пяти миллионов голосов за Генеральные Штаты, а несколько лет спустя эти 5 миллионов свелись к 700 тысячам, так что при вторжении герцога Брауншвейгского ему можно было противопоставить только 40 тысяч волонтеров. Но в это время власть начала уже переходить в руки сумасшедших и преступников. Вот почему Французская революция отличалась жестокостями и почему она оказалась непрочной.

В таких случаях трудно сказать с первого взгляда, идет ли речь о революции или о простом бунте, а при анализе отдельных характеров не всегда можно отличить революционера от бунтовщика, являющегося преступным, тем более что характеры эти в большинстве случаев оказываются средними, ничем не выдающимися. Только один успех сегодня делает революционером того, кого вчера следовало считать за бунтовщика, а мы не можем принимать в расчет успех при обсуждении антропологических характеров с общей точки зрения.

Помимо этого, самая законная революция не может обойтись без некоторых насилий, хотя и представляющих собой проклеванные скорлупы, но все же очень чувствительных для этой последней. Вот о них-то и нельзя определенно высказаться с первого взгляда. Эта задача может быть решена лишь гораздо позднее, когда насилие будет оправдано всеобщим сочувствием, успехом дела и вполне выяснившимися добрыми намерениями, а для этого нужно время, и много времени.

Французская революция и Сицилийские Вечерни^[151], например, хотя и были вызваны вполне справедливыми причинами и совершились при участии высших классов народа, но

запятнали себя такими неслыханными преступлениями, что этой своей стороной принадлежат к числу невозмутительнейших бунтов, тем более что и результаты их далеко не соответствовали ожиданиям, не оправдали средств. В самом деле, Сицилия выиграла только то, что заменила анжуйское владычество испанским, а экономические реформы, достигнутые Французской революцией, были сравнительно ничтожны; да их можно было бы добиться, просто продолжая легальное движение, начатое энциклопедистами⁴.

По этому поводу Ренан сказал во Французской Академии:

«На революцию надо смотреть как на приступ священной болезни, по выражению древних. Лихорадочное состояние может быть благотворным, если оно служит признаком внутренней работы, но не надо, чтобы оно было продолжительно, чтобы оно повторялось. Революция осуждена бесповоротно, если через сто лет после нее приходится начинать сначала, вновь искать пути и бороться с заговорами да анархией».

Как бы то ни было, после всего нами сказанного разница между краткой борьбой, сопровождающей революцию, задолго подготовленную и отвечающую потребностям времени, – с одной стороны, и грубой, насильственной оппозицией общим законам мизантропии – с другой, становится вполне ясной. А так как эти законы особенно сильно действуют во всем, что касается религии, политики и общественного порядка, то грубое их нарушение в этих пунктах является политическим преступлением, каковым следует называть «всякое насильственное покушение, направленное против политического, религиозного и социального мизантропии большинства народа, против основанного на нем общественного строя и против лиц, служащих официальными представителями последнего».

Метод. При нашей манере исследования можно избежать всякой путаницы в этом отношении. Так как гениальность представляет собой наивысший пункт, которого достигла эволюция в данное время, то изучение ее природы и причин дает нам точное понятие об истинном характере и истинных причинах тех великих стадий эволюции, которые называются революциями в отличие от бунтов. Для того чтобы дополнить изложение, мы обратим особенное внимание на личности наших политических мучеников и на французские выборы 1877, 1881 и 1885 годов, которые дадут нам в цифрах картину стремлений и вполне законных действий революции, лишенной всякого преступного характера.

Что касается бунтов и политических убийств, то по отношению к ним наша задача будет легка, потому что мы будем опираться только на факты, совершившиеся на наших глазах, в наше время, причем для решения вопроса, который никогда не был изучен с помощью чисто позитивного метода, мы дадим материалы вполне точные – цифры.

⁴ Сама Декларация прав человека если и могла быть приложена к жизни в то время, когда революция совершилась при помощи монархии, то, попав в руки республики, потеряла всякое значение. Так, среди прав человека значилась свобода религиозной мысли, а конвент при Робеспьере гильотинировал тех, кто не соглашался поклоняться придуманному им Высшему Существо; в Правах содержалась гарантия ненаказуемости иначе, как по суду, а конвент при министре юстиции Дантоне сотнями душил заключенных в тюрьмах; Права позволяли арестовывать граждан только по приказу судьи, а Конвент арестовывал, прямо в заседании, даже депутатов (жирондистов). В принципах, провозглашенных в 1789 году, значилось уважение к независимости народов, а Директория, по настоянию философа Ларевейе-Лепо, предписала Бонапарту сдать Милан австрийцам.

Глава 2. Влияние климата и атмосферных явлений на революции

Исследуя влияние, производимое такими могучими факторами, как климат, пища и почва, на эволюцию рода человеческого, мы прежде всего увидим, что в странах очень жарких, то есть тропических, и полярных революций и бунтов почти не бывает. Этот факт легко объясняется с физиологической точки зрения и согласуется с данными, добытыми нравственной патологией.

1) *Влияние жары на гениальность и революции.* Южные департаменты Франции, за исключением тех, которые лежат около Пиренеев, где распространен зоб и живет иберийская раса, дают большое количество либералов и гениальных людей.

Правда, я еще в своем сочинении «Гениальный человек» цифрами доказал, что гении рождаются преимущественно в теплое и жаркое время года, так как на весну падает *maximum* — 539, на лето и осень — 485, а на зиму — 368. Я доказал там же, что наибольшее количество гениальных людей появляется в странах холмистых, с теплым климатом и вблизи от моря. Великие музыканты тоже особенно многочисленны в жарких странах: из 118 музыкантов 44 родились в Италии, а из них 27 — в Неаполе и Сицилии. Из Неаполя же выходят знаменитые живописцы и скульпторы.

Между тем наибольшее количество либералов на политических выборах в 1877–1881—1885 годах было дано холмистыми и сравнительно холодными местностями. А если еще принять во внимание эволюцию протестантизма и развитие промышленности, то окажется, что наиболее жаркие страны Европы, дающие наибольшее количество бунтов (Греция, Испания, Италия, даже Франция), и в этом отношении далеко уступают странам северным и холодным (Англия, Германия, Голландия), в которых эволюция идет гигантскими шагами. Равным образом и в Америке Северные Штаты далеко ушли вперед от Южных, а те и другие вместе — от южноамериканских республик по пути прогресса.

2) *Чрезмерный жар.* Бокль замечает, что в странах очень жарких, где благодаря обилию пищи распределение богатств, а стало быть, и общественной власти очень неравномерно, народ постоянно остается в угнетенном положении. В его летописях не встречается ни борьбы классов, ни восстаний, ни крупных заговоров, и если бывали какие-нибудь перемены, то страна в них участия не принимала.

Вообще, если у жителей жарких стран нет недостатка в инициативе, то у них не хватает выдержки, настойчивости. Когда человек ест плохо, а переваривает еще хуже, то он поневоле бывает расположен к инерции, к вошедшему в пословицу *far niente* (сладостному безделью), к йоге индусов, к фиваидскому аскетизму^[16]; чувствительность его обострена, организм созревает преждевременно, идеи и страсти не уравновешены — детское тело с мозгом и страстями взрослого человека. Инерция — необходимый результат действия чрезмерного жара, обуславливающего постоянную слабость, делает организм склонным к судороге, к внезапным взрывам, способствует наклонности как к ленивому созерцанию, так и к преувеличенным увлечениям, а следовательно, к религиозному фанатизму и деспотизму. Вот почему мистические, суеверные идеи зарождались в Египте, Индии, Месопотамии и оттуда расходились по всему миру. Вот почему в жарких странах безудержный разврат чередуется с аскетизмом, а наиболее деспотический абсолютизм — с полнейшей анархией. Вот откуда взялись великие цивилизации, громадные империи, сложные религиозные системы, растущие под раскаленными лучами тропического солнца, как гигантские грибы, и как грибы же лопающиеся для того, чтобы дать место менее скороспелым, медленнее растущим, но более сильным и прочным концепциям народов

умеренного климата и жителей гор – норманнов, германцев, македонян, персов, афганцев, а у нас в Италии – пьемонтцев.

То же самое замечается и в Новом Свете: деспотические империи – Мексика, Перу – группируются около экватора, тогда как более свободные народы живут в странах умеренных, в Канаде, Аргентине и прочих.

3) *Холод*. В странах очень холодных, напротив того, где борьба за существование ожесточеннее ввиду трудности добывать себе пищу, одежду и топливо, там все гораздо устойчивее. Чрезмерный холод успокаивает воображение, замедляет мышление и делает его менее изменчивым, а вместе с тем жители холодных стран, поглощая огромные количества углеводов для того, чтобы уравновесить потерю тепла, принуждены тратить жизненную энергию на переваривание пищи в ущерб той ее доле, которая должна идти на жизнь индивидуальную и общественную. Так, эскимосы потребляют до десяти килограммов жира в день, и все-таки чрезмерный холод задерживает развитие их тела и духа.

Во всяком случае, жар, даже чрезмерный, менее неблагоприятно действует на ум, чем чрезмерный холод. Юг Китая, Индия, Камбоджа, Перу, Сицилия, Великая Греция, Египет были древнейшими колыбелями цивилизации – потому ли, что жар прямо обуславливает быстрое развитие духа и тела, или потому, что он влияет на них косвенно, обуславливая большее плодородие почвы. В самом деле, благодаря обилию пищи и меньшей потребности в одежде и топливе борьба за существование в жарких странах сводится к минимуму, так что человек там может легче и скорее достигать высших форм социальной жизни и приходить к высшим религиозным абстракциям. Между тем в странах холодных великие религиозные и эстетические идеи находят немногих последователей и еще меньше инициаторов. В Гренландии не было никакой религии, а у эскимосов никогда не было эпоса. Ливингстон нашел, что религиозные идеи у африканских дикарей развиваются по мере приближения от мыса Доброй Надежды к экватору.

Доктор Принк говорит, что некоторые племена эскимосов отличаются величайшим спокойствием и миролюбием; у них нет слов для обозначения ора, спора или ссоры – самая сильная реакция против обиды состоит в молчании.

Лари заметил, что под влиянием русских морозов те самые солдаты великой армии, которых до того не могли поколебать ни голод, ни раны, ни опасности, становились трусами.

Бовэ рассказывает, что у чиуков при 40° мороза никогда не бывает ни слез, ни насилий, ни преступлений; вполне апатичные, они с живут в постоянном ладу друг с другом.

Смелый путешественник по полярным странам Прейер замечал, что при 40° воля его была парализована, речь затруднена и чувства оупели.

4) *Умеренное тепло*. Все это относится, однако же, к странам чрезмерного жара или холода, так как и климат умеренный, особенно если он в то же время и сухой, оказывается благоприятным для социального и политического развития по причинам весьма понятным, то есть потому, что он содействует большему развитию энергии и мускулов, а вместе с тем облегчает общение и борьбу за существование.

«Первенство, – пишет Сенека, – всегда принадлежат народам, живущим в мягком климате».

Влияние умеренной температуры подтверждается наблюдениями над психологией южных народов, склонных ко лжи, непостоянству и преобладанию индивидуума над обществом и государством. Это зависит частью от того, что тепло содействует развитию великих индивидуальностей и уменьшает житейские нужды, но главным образом от того, что оно раздражает нервные центры, наподобие алкоголя и наркотических веществ, но с той разницей, что никогда не вызывает полной инерции, как эти последние.

А. Доде написал целый роман («Нума Руместан») для того, чтобы выставить влияние южного климата на нравственные наклонности. «Южанин, – говорит он, – не нуждается в вине,

потому что пьян от рождения: солнце и ветер льют в него крепкий напиток, влияние которого сказывается на всех, рожденных на юге. Одни из них хмельны лишь слегка, в той степени, которая развязывает язык и жесты, делает смелым, заставляет лгать, а другие доходят до буйного бреда. И какой же южанин не испытывал по временам той прострации, которая свойственна пьяному человеку, того расслабления, которое неизменно следует за припадками гнева или энтузиазма?»

Туриелло пишет: «На юге страсти быстрее сменяют друг друга, чем на севере. Там большая часть преступлений совершается экспромтом из-за любви, по страху, из-за гнева, а стало быть, против личностей; между тем как на севере преступления почти всегда бывают обдуманными. Отсутствие узды причиняет на юге бедствия острые (разбойничество), а на севере длительные (секты, заговоры).

Другая особенность южанина состоит в том, что он крайне индивидуален и не способен входить в состав корпорации, посему последние быстро распадаются; будучи обусловлено крупными индивидуальными достоинствами, все это приводит, однако же, к полному обществу бессилию».

Фучини считает непостоянство характерной чертой южан: «Они ленивы и трудолюбивы, воздержны и пьяницы; их наука граничит с суеверием. Солнце снабжает их платьем, лекарствами, дезинфицирующими средствами».

Глава 3. Влияние климата и атмосферных явлений на бунты и восстания

Раз мы психологически определили характер южан, то без труда поймем, что бунты у них должны случаться часто и по ничтожным поводам.

1) *Время года.* Для того чтобы доказать могучее влияние тепла на народные восстания, я мог бы сослаться на выведенные уже мной отношения между бунтами и временами года, которые показывают, что в общем теплые и жаркие месяцы дают высшие цифры как для восстания, так и для политических преступлений. Но так как старые мои работы благодаря трудности самостоятельного собирания однородного материала дали повод к справедливой критике, то теперь я обращусь уже к материалам вполне достоверным, официальным, то есть для нашего времени – к «Готскому Альманеху» 1791–1880 годов, а для древних и Средних веков – к источникам, известным своею точностью.

Суммированные результаты наших изысканий представлены для более удобного обозрения в графиках (см. ниже).

В древние времена, как это можно видеть на графиках, максимум бунтов падает на июль (19 из 115), а минимум (2) – на ноябрь. Но данные для Древней Греции не сходятся с теми, которые мы имеем для Рима и Византии. В самом деле, для первой максимум падает на июль (9 из 27), причем в октябре и ноябре не было ни одного бунта, а для последних двух из 88 бунтов 11 было в апреле и по 10 в марте, июне, июле и августе.

Как бы то ни было, тот факт, что бунты чаще бывают в теплые месяцы, чем в холодные, и в весенние, чем в осенние, не может подлежать сомнению. Если считать по сезонам, то этот факт выступит еще ярче. Так, для древних времен мы имеем:

	Рим и Византия	Греция	Всего
Весна	26	5	31
Лето	30	14	44
Осень	16	4	20
Зима	16	4	20

Преобладание лета не может быть объяснено в данном случае никакими другими обстоятельствами, даже тем, что выборы падали иногда на последние дни июля, потому что выборы эти в Риме назначались только для избрания незначительных общественных деятелей, а большая часть крупных избиралась одновременно с консулами в *Dies sollemnis*. Этот день сначала назначался разновременно, но в 154 году до Р. Х. он был установлен на 1 января, так что и *imporium* — вступление в должность консулов и преторов – совершалось лишь 1 марта, для того чтобы кончиться к 1 марта следующего года. «1 января, – пишет Виллеме, – было днем выборов всех должностных лиц, за исключением квесторов, которые избирались 5 декабря, и народных трибунов, избиравшихся 10 декабря». С тех пор электоральные комиции собирались обыкновенно в августе.

Этим мы могли бы объяснить до некоторой степени увеличение количества бунтов в июле, в январе и марте, но, уж конечно, не в августе, июне или апреле. С другой стороны, как справедливо замечает Виллеме, электоральные комиции хотя и были установлены на определенное время года, но они могли быть отменены Сенатом и даже, по религиозным причинам, коллегией авгуров. Поэтому они часто собирались в разное время.

Если мы теперь сравним количество бунтов по временам года в древнем мире, с тем же количеством их в Средние века и в наше время, то будем поражены полной параллельностью распределения. Повсюду мы найдем, во-первых, постоянное понижение кривой от января к февралю и повышение – от февраля к марту; во-вторых – постоянное повышение от июня

к июлю и понижение от июля к августу; наконец, в октябре и ноябре повсюду будем иметь максимальное понижение. За исключением 1550–1790 годов, в декабре число бунтов всегда было меньше, чем в январе.

В Средние века наибольшее количество бунтов падает тоже на лето, но тогда как для Тосканы максимум имеет место в июле (6 из 46), для других местностей он падает на июнь (6 из 30). Кроме того, в Тоскане, в противоположность общему правилу, на осень падает больше бунтов, чем на весну. Поэтому-то в общем Средние века дают большее число бунтов осенью, чем в другие времена года, за исключением лета, как это видно из следующих цифр:

	Тоскана (1248–1379 гг.)	Другие области (1500–1550 гг.)	Всего
Весна	6	8	14
Лето	15	13	28
Осень	14	4	18
Зима	11	5	16

На исключение, представляемое Тосканой, влияли, конечно, политические и социальные причины, среди которых надо в известной степени иметь в виду выборы на различные общественные должности. К 1 декабря (1328 год) выбирали 12 *правителей*; в ноябре (1334–1335—1336 годов) назначали *капитанов свободы*. В 1446–1447 годы приоры вступали в должность в январе, когда было в обычае выбирать всех должностных лиц общин.

Из 31 бунта в Европе (1500–1791 годы) большая часть падает на первые месяцы: максимум (6) – на май и июль. По отношению ко временам года они распределяются так: весна – 10, лето – 14, осень – 3, зима – 4.

Но так как на это нам могли бы возразить, что по отношению к Средним векам наши сведения слишком недостаточны и отрывочны, потому что бунтов тогда было очень много – Феррари насчитывает их 7224, в среднем по 45 на каждый город, – то мы обратимся к официальному источнику, «Готскому Альманеху», по крайней мере за сравнительно короткий период 1791–1880 годов. В течение этого периода было 836 бунтов, которые распределялись так:

Европа	495
Америка	283
Азия	33
Африка	20
Океания	5

Что касается Азии и Африки, то мы ограничимся замечанием, что большая часть тамошних бунтов произошла в июле (13 из 53).

В Европе и Америке максимум количества бунтов неоспоримо падает на жаркие месяцы: в Европе – на июль, а в Южной Америке – на январь, который там по температуре соответствует нашему июлю. Минимум в Европе падает на ноябрь и декабрь, а в Америке на май и июнь.

Надо отметить, однако же, особенный подъем кривой для Америки – на июль и для Европы – на март.

Июльский подъем в Америке, по крайней мере для испанских республик, за последние пятнадцать лет, то есть за время господства пара и телеграфа, можно объяснить распространением современных испанских и португальских волнений. Июльскому восстанию в Лиме, например, в 1838 году предшествовало португальское восстание в июне; июльским восстаниям на Кубе и в Боготе 1851 года – майское восстание в Португалии; июльскому восстанию в Мексике в 1840 году – испанское восстание в том же месяце, точно так же, как и уругвайскому восстанию в июле 1869 года.

Что касается марта месяца, то мы впоследствии укажем атмосферные причины, обуславливающие подъем, который на него падает в Европе.

В конце концов, каждая нация и каждая эпоха имеют свою специальную хронологию бунтов, с подъемом кривой в иные из жарких месяцев преимущественно перед другими. В самом деле, разделив бунты в Америке и в Европе на два равных периода: 1791–1835 годов и 1835–1880 годов, мы увидим разное распределение их по месяцам. Во втором периоде в Америке учащаются бунты в январе, мае, июле и ноябре, а в Европе – в июне и октябре. Декабрь, напротив, дает сильное понижение для Америки, так же как март, апрель, ноябрь и декабрь для Европы. Вот почему в Америке протестантские движения во втором периоде чаще бывали в жаркие месяцы, а в Европе реже в начале (ноябрь, декабрь) и конце (март, апрель) холодов.

Что касается времен года, то, памятуя, что в Южной Америке январь соответствует нашему июлю, февраль – августу и т. д., мы будем иметь:

	Америка	Европа
Весна	76	142
Лето	92	167
Осень	54	94
Зима	61	92

Из чего видно, что лето в обоих полушариях занимает первое место; затем – весна, по отношению к бунтам и политическим преступлениям, всегда берет верх над осенью и зимой, отчасти ввиду наступления жары, а отчасти, может быть, благодаря недостатку жизненных припасов. Осень и зима мало отличаются друг от друга.

Если мы перейдем к отдельным нациям, населяющим Европу, то увидим, что на жаркие месяцы, за немногими исключениями, падает еще большее сравнительно количество бунтов. Но преобладание июля не так уже сильно выражено именно благодаря отдельной для каждого народа хронологии, о которой мы упомянули выше. Июль преобладает в Италии, Испании, Португалии и Франции; август – в Германии, Турции, Англии и Шотландии; март – в Греции, Ирландии, Швеции, Норвегии и Дании; январь – в Швейцарии, сентябрь – в Бельгии и Голландии; апрель – в России и Польше; наконец, май – в Боснии, Герцеговине, Сербии и Болгарии. Следовательно, влияние теплых месяцев сильнее выражено в южных странах, чем в северных.

Группируя данные по временам года, мы найдем, что для девяти народов, в том числе для всех южных, большинство бунтов падает на лето; для пяти, преимущественно северных, – на весну; для одного (Австро-Венгрия) – на осень и для одного (Швейцария) – на зиму. Затем мы видим, что у пяти наций (преимущественно южных) зима богаче осени бунтами, у восьми наоборот, а в трех случаях получились равные числа.

Точно так же из 47 знаменитых покушений на жизнь монархов и глав государств, совершившихся в XIX веке, большинство падает на жаркие месяцы:

В январе	1	В июле	9
В феврале	5	В августе	3
В марте	4	В сентябре	1
В апреле	7	В октябре	3
В мае	4	В ноябре	1
В июне	5	В декабре	7

А группируя их по временам года, получим:

зимой – 14, весной – 15, летом – 14, осенью – 5.

2) *Времена года, социальные причины и прочее.* Распределив 142 бунта, имевших место в Европе в течение XIX столетия, по их производящим причинам, по районам распространения и временам года, мы увидели, до какой степени влияния термические и географические пре-

обладают над прочими, то есть социальными и экономическими, которые, однако же, растут с каждым годом, как это доказал Лерио.

Восстания по политическим причинам дают максимум зимой на юге Европы; военные бунты – летом и тоже на юге; рабочие, также как экономические, – весной в центре; религиозные – летом и тоже в центре; и все это с сохранением почти только параллелизма между временем и местом. Можно заметить также, что восстания рабочих из-за голода чаще случаются летом, несмотря на то что в это время и нужды не так велики, и пропитание становится дешевле.

Во всем этом ясно видно преобладание термических причин, хотя не исключительное. Для массовых политических преступлений это еще можно было бы объяснить при помощи предположения Спенсера, что хорошая погода благоприятствует народным собраниям на чистом воздухе, тогда как плохая поневоле заставляет сидеть дома, в семье.

3) *География политических преступлений.* В географическом распределении бунтов и восстаний по Европе в течение 1791–1880 годов мы имеем новое доказательство термического влияния.

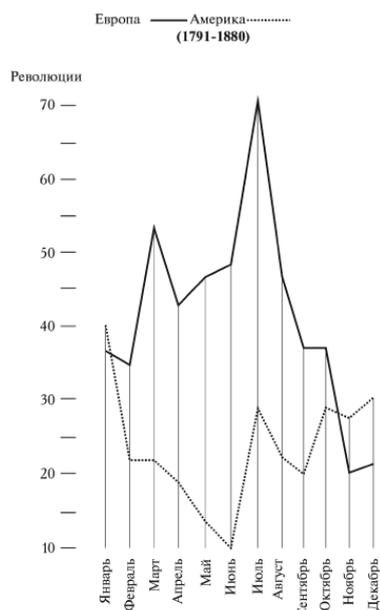
Мы видим, что число их растет по направлению от севера к югу, то есть параллельно температуре. В самом деле, Греция дает максимум бунтов – 95 на 10 миллионов жителей, а Россия минимум – 0,8. Вообще, наименьшие цифры получились для северных стран: Англии, Шотландии, Германии, Польши, Норвегии и Дании, тогда как наибольшие – для южных: Португалии, Испании, Европейской Турции, Южной и Средней Италии. Центральные области дают как раз и средние цифры.

В общем, оказывается на 10 миллионов обывателей в Северной Европе – 12 бунтов, в Центральной – 25, в Южной – 56.

Есть, правда, два исключения: Швейцария и Ирландия, дающие количество бунтов в обратном отношении к их географическому положению. Но в Швейцарии это должно зависть от множественности кантональных правительств и от частых изменений конституции. В самом деле, с 1830 по 1879 год там было 115 пересмотров кантональных конституций и 3 – федеральной; с 1830 по 1869 год – 27 пересмотров ради перемены аристократического правления на демократическое; с 1862 по 1866 год – 66 пересмотров ради перехода к правлению народному, плебисцитарному. А что касается Ирландии, то там причиной частых бунтов является печальное политическое и социальное положение, не оставляющее ирландцам, по словам Тарда, никакого выхода, кроме бунтов, эмиграции и самоубийства. Еще Гладстон доказал, насколько необходимы радикальные реформы для излечения этнологических, социальных и экономических язв Ирландии. Нигилистические манифестации в России также показывают, что когда социальные вопросы выступают на первый план, они могут маскировать влияние климата, которое, однако же, позже вновь восстанавливается.

Кроме того, следует помнить, что климат Ирландии значительно смягчается Гольфстримом, так что по средней температуре своей зимы (+5°) она стоит на одной изохимене с Бретанью, югом Франции, Северо-Апеннинским округом Италии и Далмацией. Между прочим, число самоубийств в ней такое же, как и в этой последней.

4) *Уголовные преступления против личностей и прочее.* Влияние температуры подтверждается и на других нравственных явлениях, тесно связанных с бунтами, например на уголовных преступлениях против личности.

Революции в Европе и Америке по месяцам (1791–1880)

В самом деле, мы видели, что в Италии, например, в северных округах приходится 27 бунтов на 10 миллионов жителей, в центральных – 32 и в южных – 33. Но точно так же в ней распределяются и преступления против личностей, насилия, буйства и прочие, как это видно из следующей таблицы:

	Преступления против личности	Буйства (неполитические бунты)
Северные округа	1 на 5179	1 на 6493
Центральные округа	1 на 2129	1 на 4132
Южные округа	1 на 849	1 на 3239
Островные округа	1 на 738	1 на 3623

Между географическим распространением этих преступлений по Европе и таким же распространением бунтов также существует большое сходство. Так, в самом начале труда Бодио «О движении преступлений в Италии» мы находим, что эта страна вместе с Испанией дает наибольшую цифру осужденных за убийство (9,5; в среднем для Европы – 8,3 на 100 тысяч жителей) и наибольшее число буйств, а наименьшие цифры этих преступлений падают на Англию и Германию (0,5; 1,1).

Как во Франции, так и в Италии число убийств растет прямо пропорционально среднегодовой температуре, а потому в южных округах оно выше.

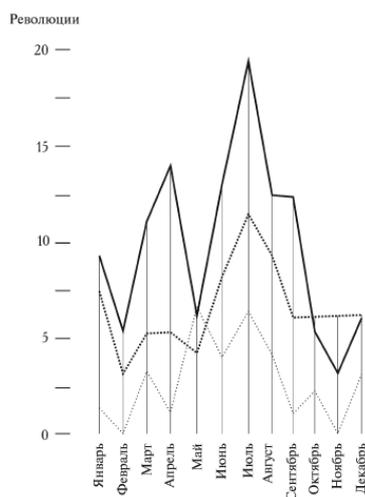
То же можно сказать и о бунтах, согласно статистическим сведениям, собранным Водио для Италии и министерством милости и юстиции для Испании. Распределив число бунтов по градусам широты и отнеся их к числу населения, мы найдем:

Испания		Число преступлений на 100 тысяч населения
От 36 до 37 паралл.		Около 14
От 37 до 38 паралл.		Около 12
От 38 до 39 паралл.		Около 9
От 39 до 40 паралл.		Около 8
От 40 до 41 паралл.		Около 11 (Мадрид)
От 41 до 42 паралл.		Около 9 (Барселона, Сарагоса)
От 42 до 43 паралл.		Около 6
От 43 до 44 паралл.		Около 5
От 44 до 45 паралл.		—
От 45 до 46 паралл.		—
От 46 до 47 паралл.		—

Италия		Число преступлений на 100 тысяч населения
От 36 до 37 паралл.		—
От 37 до 38 паралл.		Около 96,7
От 38 до 39 паралл.		Около 42,0
От 39 до 40 паралл.		Около 30,6
От 40 до 41 паралл.		Около 37,8 (Неаполь)

От 41 до 42 паралл.	Около 36,8 (Рим)
От 42 до 43 паралл.	Около 32,7
От 43 до 44 паралл.	Около 18,7
От 44 до 45 паралл.	Около 19,8
От 45 до 46 паралл.	Около 19,2
От 46 до 47 паралл.	Около 16,2

Древнее время —————
Среднее время
Новое время

Распределение революций по месяцам в Европе (в древности и в Средние века – 550—1550 гг. и в новой истории – 1550—1790 гг.)

Из чего влияние южного климата становится вполне очевидным, если исключить столицы и большие города, нарушающие порядок, обусловленный климатом.

Глава 4. Влияние барометрического давления, геологического строения почвы и высоты над уровнем моря на революции

1) *Давление и колебания барометра.* Влияние других атмосферных явлений менее очевидно, но, во всяком случае, высокие цифры, даваемые мартом – месяцем, особенно богатым барометрическими колебаниями, – так же как сентябрем и октябрем, когда эти колебания все же существуют, хотя и в меньшей степени, доказывают, что и атмосферное давление влияет на политическую атмосферу.

В Древнем Риме почти все знаменитые революции совершались весной, и главным образом в марте месяце. Так, по Макробию, Тарквинии были изгнаны в июньские календы, между тем *Refugium*^[17] праздновался в мартовские иды, что заставляет подозревать, что эта дата вернее.

Известно, что те же мартовские иды оказались губительными для Юлия Цезаря, но все писатели заметили, что они были таковыми и для большинства его преемников. А для византийских императоров, напротив, были гораздо более губительными июнь и июль.

Рамос Мейха приписывает частое возникновение бунтов в Южной Америке резким изменениям температуры и северным ветрам, сильно возбуждающим нервную систему.

2) *Сухой и влажный климат.* Сухость сильно влияет на социальную эволюцию.

По словам одного наблюдательного англичанина, сухость и электрическое напряжение атмосферы Нью-Йорка, даже в иностранцах возбуждающие усиленную умственную работу, играют немалую роль в развитии так называемых невропатов, поставляющих из своей среды бунтарей, политических убийц и партийных фанатиков.

Бэрд видит доказательство влияния климата в различии между жителем северных штатов – любителем всего нового и жителем Юга, консервативным до такой степени, что с большим трудом принимает даже новые ткани и новые машины, притом потому только, что они новые.

Политические обычаи, погоня за золотом, волнения выборной агитации на Севере – все это суть результаты влияния резких перемен температуры вместе с вполне естественными нуждами вновь устраиваемой страны и пионерской жизни. Быстрое испарение ускоряет там процесс траты веществ и их поглощение в нервной системе. Даже великие ораторы Севера, по Бэрду, суть продукт господствующего там невротизма.

Но в Америке атмосферные влияния усложняются историческими и социальными, а в особенности скоплением миллионов человек на небольшом пространстве – фактор, к которому мы вернемся в свое время. Надо заметить, что те же условия совмещаются во Франции, где к влиянию переменчивого климата в Париже примешивается влияние лихорадки, производимой концентрацией новых идей со всего мира, притом действующих на такую подвижную расу, какова галльская.

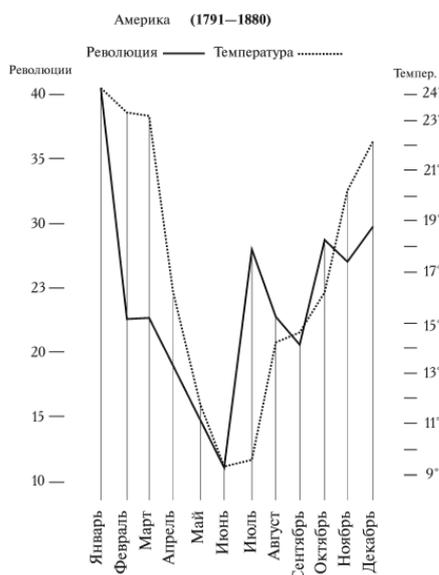
Народы – завоеватели древнего мира – явились из стран засушливых, заключающихся между севером Африки, Аравией, Персией, Тибетом и Монголией. Татарская раса заселила Китай и страны, отделяющие его от Индии, а кроме того, время от времени делала набеги на запад; арийская раса заселила Индию и отсюда распространилась по всей Европе; наконец, семитическая раса заняла север Африки и покорила часть Испании. Принадлежа к разным типам, все они, однако же, явились из сухих стран и покорили страны сравнительно сырые, потому что обладали энергичным характером, который потом вновь настолько теряли, что, в свою очередь, принуждены были уступать народам, приходившим из тех же первичных колебелей человечества.

Точно так же самые передовые из первичных цивилизаций Америки развивались в районах бездождя, то есть между центральной частью и Мексикой, а также в Перу, где встречаются следы цивилизации, предшествовавшей инкам.

Но наиболее точное подтверждение наших взглядов мы можем почерпнуть из анализа орографии департаментов Франции (по Реклю) в связи с распределением в них гениальности за последний век (по Якоби) и с результатами всеобщей подачи голосов в 1877–1881–1885 годах⁵. Это голосование дает нам громадные цифры, представляющие собой точную фотографию политической мысли, господствующей в каждом данном районе. Обилие данных избавляет нас от необходимости принимать во внимание выборные подкупы, внешнее давление и прочее.

3) *Горы и холмы*. Уже при изучении гениальности нас поразило тот факт, что горы благоприятствуют ее развитию, так же как и развитию республиканских стремлений, что в монархической стране, конечно, должно явиться зачатком революции.

В горных департаментах республиканцев больше, чем в холмистых, а в последних больше, чем на равнинах.

Революции в Америке по месяцам (1791–1880)

Разница эта еще резче выражается по отношению к гениальности. Горные и холмистые страны дают больше гениальных людей, чем равнины.

4) *Горы*. Надо заметить, однако же, что влияние гор сложнее, чем кажется с первого взгляда. В общем, горец больше способен к эволюции, а житель равнин более консервативен, но в частностях могут быть большие отступления.

Жители гор умеют противостоять завоевателям и возмущаться против гнета; они также более способны господствовать над другими народами, в особенности же над жителями равнин, а потому горы способствуют возникновению восстаний (в смысле законной реакции

⁵ Классификация департаментов по преобладающим политическим мнениям установлена нами на следующих основаниях: а) Все департаменты, дававшие на выборах 1877-1881-1885 годов более 40 % монархических голосов, считались монархическими. б) Департаменты, в которых число монархических голосов было меньше 40 % или постоянно уменьшалось, признавались республиканскими. Ввиду того, что 20 % избирателей постоянно уклоняются от подачи голосов, мы приняли за половину последних сорок процентов, а не пятьдесят. Те департаменты, в которых число уклонений от подачи голоса было особенно велико, мы признавали неопределенными.

против чужестранного гнета) и еще более бунтов, чему содействует орографическая неприступность. Примером могут служить курды, клефты, черногорцы, шотландцы, бретонцы, пьемонтцы и прочие, моральная устойчивость и сила которых получают поддержку в геологическом рельефе родины. Так Спарта всегда была свободна, а ионийцы жили в подчинении; так население Тибета энергично борется с китайцами; так трезвые, честные и смелые афганцы, в особенности юзуфузские горцы, сумели сохранить свою независимость, живя рядом со слабыми и беспечными индусами. По Геродоту, Кир не позволял своим персам уходить из родных гор, придававших им особую энергию.

Можно прямо сказать, что главными защитниками свободы и последним оплотом против рабства всегда были горцы. Так самниты, лигурийцы и жители Аbruццо боролись против Рима; астурийцы – против готов и сарацинов; албанцы, трансильванцы, друзы, марониты, майноты – против турок; горцы кантонов Ури и Унтервальдена – против Австрии и Бургундии. Точно также во Франции – в Севеннах, и у нас – в Вальтеллине и Пиньероле, несмотря на драгонады и инквизиционные казни, проявились первые попытки завоевать религиозную свободу.

Иллирийцы отстаивали свою независимость от своих соседей, греков, и причиняли много неприятностей македонянам до тех пор, пока окончательно от них не отделались после смерти Александра^{18}.

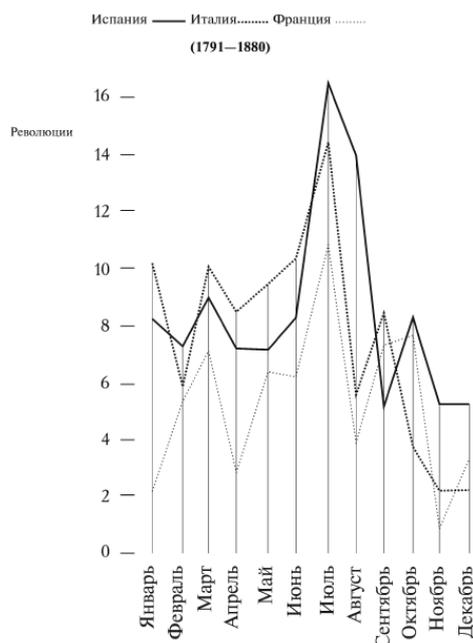
Точно то же происходило в наши времена на Кавказе.

В Англии жителей гористых округов Уэльса весьма трудно было заставить признавать власть центрального правительства. Понадобилось восемь веков для того, чтобы победить противодействие местного населения и подчинить его окончательно. Фене, пустынный и каменистый «болотный округ» Линкольншира и Кембриджа, древнее убежище разбойников и бунтовщиков, в эпоху норманнского нашествия служило последним оплотом англосаксонского сопротивления; беглецы держались там под защитой скал, делающих эту страну почти неприступной. Точно так же и шотландские хайлендеры были окончательно подчинены центральному правительству лишь тогда, когда генерал Уэйд провел дороги, открывающие доступ в их дикие убежища.

Вообще, прогрессивные политические идеи развиваются чаще всего в горах. По словам Плутарха, Афины после бунта Килона^{19} разделились на три партии, соответствующие географической конфигурации страны: жители горных областей во что бы то ни стало желали народоправства, жители равнин – олигархии, а жители побережья – смешанного правления.

5) *Очень высокие горы.* Энергия, эволютивная по крайней мере, исчезает, однако же, на очень высоких горах, потому что пониженное атмосферное давление обуславливает слабую оксидацию крови. Здесь мы имеем нечто подобное влиянию температуры: будучи умеренной, она благоприятствует бунтам, а усиленная в крайней степени обуславливает политическую инерцию.

Так, в Мексике жители местностей, лежащих на высоте 2000 метров и более, отличаются вдвое меньшей рождаемостью (3,6 %), чем жители равнин (6,50 %); они апатичны, бесстрастны и умственно бездеятельны. Равнинный мексиканец, напротив того, более деятелен, решителен и экспансивен, у него более инициативы и способностей к торговле. Даже горные лошади Мексики отличаются от равнинных – они не могут проскакать 250 метров, не страдая одышкой.

Революции в Испании, Италии и Франции по месяцам (1791–1880)

По словам Сэмпера, жители Анд – маленькие, с круглым лицом, покатым лбом и грубыми, иногда белыми волосами – отличаются спокойствием, религиозностью, застенчивостью, бесстрашием и неподвижностью; тогда как их соотечественники из областей более низколежащих весьма деятельны, страстны, интеллигентны и склонны к торговле, промышленности и прочему, так как фабрикуют шляпы и ковры.

Шлегинтвейг нашел, что среди обывателей высоких плато Тибета женщин больше, чем мужчин, а детей мало даже по сравнению с количеством браков.

Известный географ и натуралист проф. Маринелли, ездивший по моей просьбе изучать быт населения двух итальянских общин, расположенных на разных высотах, не нашел между ними особенной разницы по отношению к уму и физической силе, но все же обыватели высшей точки над уровнем моря оказались более склонными к малокровию и кровотечениям. Сравнивая население *Sauris di sopra*, расположенного на высоте 1390 м, с населением *Sauris di sotto* (1220 м), он заметил, что в первом жители более сварливы, но менее расположены к половой жизни и более апатичны, чем в последнем.

«Всеми давно замечено, – пишет один из наших наиболее наблюдательных писателей, – что жизнь, а стало быть, и функция воспроизведения, при помощи которой она поддерживается, значительно слабеют по мере увеличения высоты над уровнем моря, притом не только в животном царстве, но и в растительном. На тех высотах, где орел вьет свое гнездо, растительность ограничивается одними лишаями; другие животные жить там могут лишь с трудом и совершенно не размножаются; даже зайцы, столь плодовитые, и те там становятся бесплодными. Быки, привезенные испанцами в Боливию, в Пас (3730 м высоты), ради любимой национальной забавы, по словам одного путешественника, становились там трусливыми и безобидными».

Записка, доставленная нам одним ученым наблюдателем, доказывает, что великие цивилизации, перуанская и мексиканская, не противоречат этому закону.

«Я хотел бы, – пишет он, – дать вам объяснение того противоречия, которое вы видите между мнением Журдана и историческим фактом существования на высоте 2280 м двух народов с двумя различными цивилизациями, древней и новой. Древняя цивилизация развилась

прежде всего и почти единственно у тольтеков, потом у ацтеков. Есть вполне основательное мнение, что тольтеки пришли с Востока; религия и политическое устройство доказывают их родство с азиатскими народами; они-то и принесли первый луч цивилизации. Ацтеки пришли в долину Мексико или, говоря точнее, в Теночтитланскую лагуну, где построили свою столицу, из Северной Америки, откуда принесли свою религию и организацию. Они победили все другие народы, и в том числе тольтеков, у которых, однако же, не сумели заимствовать того хорошего, что было в их цивилизации. Вот почему тольтекам принадлежит право называться древнейшими пионерами цивилизации этой части Америки. Появление ацтеков есть уже шаг назад.

Таким образом, древние народы Америки, так же как и новейшие, не были аборигенами в своих странах. Я сказал, откуда пришли древние, что же касается новейших, то это были европейцы вообще и испанцы в особенности. Цивилизация, значит, всюду была привозной, и это мне кажется чрезвычайно важным для определения ее причин и изучения развития народа по отношению к среде, в которой он живет.

Революции в Португалии, Европейской Турции, Греции по месяцам (1791–1880)

Наконец, одного взгляда на местные расы достаточно для того, чтобы видеть, насколько миролюбивы и склонны к подчинению те из них, которые живут на высоких плато, тогда как расы воинственные, до сих пор воюющие или ежеминутно готовые к восстанию, обитают преимущественно по берегам моря, каковы индейцы из Юкатана, из Гокададжары, с северной границы, из Герреро, из Туантепека или Юхитанеки – народ крупный, красивый, с чисто европейской формой лба, но жестокий и кровожадный.

Достаточно пройтись по улицам и посмотреть, как работают рабочие – на них жалко смотреть, еле-еле двигаются и поминутно отдыхают, точно будто боятся вспотеть.

Мексиканцы не только мало работают, но и гулять не любят. Поэтому-то, может быть, в Мехико – столице страны – нет места для пеших прогулок. Жители города появляются на улицах лишь верхом или в экипаже и только перед заходом солнца. Поэтому-то, несмотря на умеренную температуру и на легкость борьбы за жизнь, они крайне бедны и возмутительно нечистоплотны.

В общем, житель столицы – чрезвычайно апатичен.

Все великие люди Мехико – писатели, ученые, политики – не суть местные уроженцы. Любопытно бы составить им подробный список, вроде того, который имеется относительно шестидесяти самых выдающихся президентов республики; мы увидели бы тогда, что почти все они не суть мексиканцы по происхождению.

Революции в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии по месяцам (1791–1880)

Надо принимать во внимание также, что Мексиканская республика в 11 раз больше Италии, что в нее входят страны с различным климатом и весьма разнообразным населением, так что когда трансатлантический телеграф приносит нам известие о новой революции в Мексике, то это еще не значит, что последняя вспыхнула именно в Мехико, в столице. Большая часть революций начинается там в отдельных провинциях. Мехико – город чрезвычайно миролюбивый. Несмотря на усиленную агитацию, революций в нем не было даже в бурную эпоху войны за независимость, а если и происходили вооруженные стычки, то исключительно в войсках гарнизона. По собственному признанию мексиканцев, население столицы и ее окрестностей не отличается ни храбростью, ни возбудимостью. Оно вполне пассивно и подчиняется условиям, наложенным извне. Главные *pronunciados*⁶ стремились к подчинению войск, а не к поднятию Мексики».

Правда, что бунты в Мексике были очень часты, особенно между метисами Арекипы (7800 футов над уровнем моря), бунтовавшими 17 лет сряду. Много бунтов происходило также в Боготе, в Потози (3000 метров) и Ла-Пласе (11 000 футов), но, как разъясняет Нибби, это были не революции, а именно бунты, поднимаемые несколькими сотнями все одних и тех же людей, проделывавших все одну и ту же анархию. Эти бунты, подобно анемическим судорогам и – увы! – нашей парламентской борьбе, были скорее доказательством слабости, чем энергии, а притом всегда оставались бесплодными.

б) *Неприступность*. Чрезмерная высота горы, служа не только оплотом, но и перегородкой, мешающей сообщениям между расами и идеями, мало действуя на воображение, угнетая душу суровой температурой и бедностью природы, является препятствием для эволюции и могучим консервативным агентом.

Революции в Бельгии, Нидерландах, Боснии, Герцеговине, Сербии, Болгарии, Польше по месяцам (1791–1880)

⁶ Ораторы-революционеры (исп.).

«Когда границы какой-нибудь страны, – пишет Ратцель, – лежат со всех сторон на равнине, то она имеет возможность расширяться во все стороны и предоставляет жителям полную свободу быть кочевниками, тогда как в долине, окруженной горами, жители поневоле становятся оседлыми и приобретают постоянные привычки. В первом случае центробежная сила, сближающая различные народы, действует свободно, тогда как во втором сама природа тому препятствует – естественные границы страны служат ей защитой как от чужой расы, так и от новых идей».

На юге Европы 2 полуострова – Иберийский и Апеннинский – благодаря их закрытым границам дают пристанище исключительно двум отраслям романской расы, тогда как Балканский полуостров благодаря соседству с Азией и равнинами Восточной Европы населен самыми разнообразными народами, за исключением Фессалии, которая населена исключительно греками, но зато и со всех сторон окружена горами.

Вообще, влияние характера границ перевешивает, по-видимому, влияние расы, так как в Англии, например, мы видим самые разнообразные народы соединившимися в национальность наиболее политически объединенную.

Сравнивая государства, отделенные друг от друга естественными границами, как, например, Италия и Франция (Пиренеи), Германия и Италия (Альпы), даже Германия и Франция (Вогезы), с государствами, границы которых сливаются, как, например, Германия и Польша, Россия и Германия, мы найдем в первых постоянное спокойствие или по крайней мере стремление к нему, а в последних – неуверенность и беспокойство.

Изолирующее, а стало быть, неблагоприятное для политических преступлений влияние высоких гор отражается в большом проценте выборного абсентеизма, замеченного нами в горных департаментах Франции.

Революции в Англии, Шотландии, Ирландии, Швеции, Норвегии, Дании и в Европейской России по месяцам (1791–1880)

Это вполне естественно объясняется трудностью сообщений. В холмистых и равнинных департаментах, напротив, абсентеизм менее развит именно благодаря большому удобству для избирателей являться в выборные центры. По аналогичной же географической причине (водопады, рудные разработки и прочее) абсентеизм преобладает в департаментах промышленных и потому наиболее республиканских⁷.

Недоступность горных территорий, пишет Ратцель, защищает их от завоеваний. Центральный массив Франции, также как и угловые ее массивы, всегда благодаря трудностям доступа, отсутствию торговли, суровости климата и бесплодию почвы должны были скорее отклонять пограничные народы от завоевания, чем привлекать к нему.

На низах народы боролись за землю; на верхах они мирно обладали ею. На равнинах люди постоянно передвигались ради войны или ради торговли; на горах они жили спокойнее и хотя медленным, но зато уверенным темпом. На граничных горах человек, подобно дереву, рос с большим трудом, но достигал больших размеров и становился выносливее.

7) *Влияние кретинизма.* Еще более губительным является в некоторых долинах влияние кретиногенное. Обыватели почти всех глубоких долин, сжатых высокими горами, благодаря чрезмерной сырости бывают в большей части случаев медленны и апатичны. В сыром воздухе, говорит Кабанис, ум становится инертным, воля – слабой, вкусы – безразличными; даже стремление к воспроизведению слабеет. В китайском языке теплый и влажный воздух есть синоним *глупости*. Для того чтобы доказать это, достаточно сравнить живого, деятельного и бойкого жителя области Комо с беззаботным и апатичным павийцем или еще лучше – с жителями альпийских долин Вальтеллины и Аосты.

Долины, расположенные у подошв очень высоких гор, то есть в условиях весьма неблагоприятных для здоровья как по крайней своей сырости, так и благодаря каким-то неизвестным кретиногенным и струмогенным миазмам, дают очень мало гениальных людей и обуславливают малый рост жителей.

Напротив того, страны, расположенные на умеренных высотах, обращенных к солнцу, дают население высокого роста.

Нельзя поэтому согласиться с Брока насчет того, что горы не оказывают никакого влияния на рост человека, так как есть горцы маленькие и есть высокие. Это двойное действие зависит от места, занимаемого человеком, живущим в горах, – от того, высоко ли оно расположено и хорошо ли освещается солнцем. Потому-то в одной и той же долине Вальтеллины я видел районы, переполненные крестинами и карликами, а рядом с ними другие, в которых живут люди высокого роста и очень развитые в умственном отношении.

«Пиренейские горцы, – пишет Маршан, – по месту жительства – в высоких или низких долинах – должны быть разделены на две категории. Жители высоких долин отличаются объемистым черепом, высоким ростом, красивым телосложением и живым, деятельным умом; жители низких долин, напротив того, малы, обладают маленькими асимметричными черепами, короткими и толстыми ногами, несоразмерно длинными руками, апатичны и расположены к нищенству, воровству и всякого рода излишествам».

Знаменитая сардинская комиссия делает те же замечания о кретинизме.

Обыватели местностей, охваченных кретинизмом, даже не кретины, почти поголовно страдают рахитизмом, головной водянкой и припуханием суставов, все они низкорослы, с широкими скулами, маленькими глазами и прочее.

Все это может быть до некоторой степени доказано даже цифрами. Так, в другом месте мы доказали, что при одинаковости расы те части Италии, в которых распространен зоб, – Аоста, Сондрио, Сузы – почти всегда дают максимум малого роста и минимум гениальности. Наоборот, местности: Уэсельо – в Пьемонте, Креспан – в Венеции, Кальо и Къези – в Вальтеллине, расположенные хотя и в горах, но при здоровых условиях, дают население крупное и вполне нормальное по сравнению с долинами, в которых царствует зоб.

Эти долины не предрасполагают не только к революциям, но даже и к бунтам. Таковы, например, во Франции департаменты Ардеш, Арьеж, Пиренеи, Нижние Альпы, Пюи-де-Дом, которые дают минимум гениальности и минимум республиканизма. Такова была Беотия в Греции, давшая только Пелопида и Пиндара. Таковы Швейцария, Пьемонт и Тироль, в течение многих веков не давшие ни гениев, ни революций.

Спартанцы, обитатели долин, сжатых высокими горами, не дали миру гениальных людей^[20]. Держась за древние обычаи, они девять веков сохраняли свои учреждения неизменными, тогда как афиняне, жившие в холмистой местности, по соседству с морем, и живые,

любопытные, любящие приключения ионийцы постоянно из своей среды выдвигали гениев и республиканцев.

8) *Равнины*. Равнина, в большей части случаев или очень жаркая, или очень однообразная, с незапамятных времен слывет консервативной и противореволюционной. Она также дает очень мало гениальных людей, доказательством чего может служить сравнение Пизы и Падуи с Флоренцией и Вероной. В Египте и в Индии в течение девятнадцати веков не было революций.

На громадных и однородных плоскостях господствуют обыкновенно сильные и прочные правительства; примеры: Египет, Сирия, Китай. Это было замечено уже Монтескье, который придавал такое значение географической конфигурации страны, что приписывал ей развитие в Европе свободы в противоположность азиатскому рабству. Азия в самом деле состоит из громадных равнин, ограниченных с юга невысокими горами и омываемых незначительными реками. Все это благоприятствует возникновению и увековечению деспотических империй, потому что если бы рабство не было в них строго поддерживаемо, то империя распалась бы, чего географическое однообразие страны не допускает.

В Европе, напротив того, горные цепи, разделяющие страну на отдельные районы, благоприятствуют развитию отдельных государств, в которых любовь к свободе и независимости затрудняет возникновение деспотизма и во всяком случае делает его непрочным, в особенности со стороны иноземца.

Другой причиной, препятствующей возникновению бунтов на обширных равнинах, как заметил еще Руссо в своем «Общественном договоре», является невозможность для восставших тайно принимать внезапные меры, тогда как правительству легко следить за ними и быстро передвигать войска в те места, где они требуются.

Из этих правил существуют, однако же, исключения. Аргентинская республика, например, представляющая собой равнину во сто квадратных лье, была и до сих пор остается очагом революций. Но это зависит от других факторов, и главным образом от крайней сухости воздуха, усиленной борьбы за существование в больших центрах и подражания революциям европейским. Польша и Голландия тоже достаточно революционны и тоже по другим причинам, подобно всякой равнинной стране, орошаемой большими реками и усеянной большими коммерческими центрами.

9) *Конфигурация почвы. Порты. Дороги*. Апатичности жителей равнин сильно содействует однообразие природы: постоянно одинаковые впечатления поддерживают мизантропию, тогда как разнообразные развивают стремление к новаторству, что мы видим в Афинах и Флоренции. Надо, однако же, иметь в виду, что разнообразие это должно быть эстетичным и приятным, а не угнетающим, как в тех странах, которые подвержены частым вулканическим или атмосферным катаклизмам, подобно Испании, Шотландии и Индии.

Страх, внушаемый этими катаклизмами, и тяжелые потери, ими обуславливаемые, развивают в населении религиозное чувство и мизантропию.

Помимо конфигурации почвы на дух жителей влияет также центральное или краевое положение страны, в которой они обитают. Польша, например, обязана своей скороспелой цивилизацией и своими несчастьями краевому положению между славянами, германцами и византийцами.

Греческие философы были глубоко поражены разницей между городами, лежащими внутри страны и на берегу моря. В первых господствовали простота, однообразие, верность древним обычаям и отвращение ко всяким новшествам, а в последних – сложность и разнообразие жизни, экспансивность воображения, терпимость к чужестранным обычаям, большее развитие индивидуальности и непрочность общественного строя.

В прибрежных странах море обуславливает усиленное умственное развитие всех классов населения, и в особенности торговлю, как это мы видим у финикийцев и карфагенян, осно-

вавших свободные республики еще в глубокой древности. Берега Средиземного моря вообще были колыбелью политической свободы и мореплавания.

Надо отметить также, что великие цивилизации всегда возникали при устьях больших рек: Нила, Ганга, Хуанхэ, Тигра и Евфрата.

Такое же влияние имеют морские порты. Италия и Греция благодаря обилию таких портов первые могли воспользоваться плодами цивилизации других народов: финикийн, египтян, индийцев – и скрещиваться с ними, и мы увидим впоследствии, как благотворны такие скрещивания.

Департаменты Франции, расположенные вдоль больших рек – Сены, Роны, Луары – или обладающие крупными морскими портами, независимо от других факторов проявляют больше гениальности и дают большее количество республиканских голосов. По отношению к приморским городам – Генуе, Неаполю, Венеции – мы это доказали в одном из предыдущих наших исследований.

10) *Геологическое строение почвы.* Тремо говорит, что совершенствование человека пропорционально степени обработки почвы, на которой он живет, а почва тем более подчиняется обработке, чем она геологически более нова. Поэтому первобытные почвы, как, например, в экваториальных странах, а также в Лапландии или в горах Бразилии и прочих, неблагоприятны для прогресса, тогда как на новых геологических наслоениях Бомбея, Персии, Мидии живут расы красивые и способные к развитию.

В Африке силлурийская почва обуславливает народонаселение тупое и безобразное (бечуаны), тогда как на почвах новейшего образования Ливингстон нашел племена более цивилизованные.

Венгрия, страна в высшей степени революционная, расположена на почве новой, тогда как остальные земли Австрии и Россия стоят на более древних геологических наслоениях.

Сравнив растительность, покрывающую гранитные горы, писал Соссюр, с той, которая покрывает горы известковые, мы будем поражены громадной между ними разницей. На известковых горах как флора, так и фауна блещут разнообразием и цветущим состоянием видов растений и животных, а на граните последние меньше ростом, худее и самки дают даже меньше молока, хотя питаются также обильно.

Чурилов подтверждает это наблюдение и говорит, что на каменистой и песчаной почве 30 департаментов Франции народонаселение является низкорослым, тогда как там, где преобладает юрская формация, например в департаментах Ду и Юра (считаемых также наиболее холодными и здоровыми), равно как и в департаменте Сона и Луара, оно отличается высоким ростом. Так же говорят и Э. Реклю и Дюран.

Теперь появились даже факты, доказывающие, что там, где почва улучшена путем культуры, искусственным удобрением и прочим, там рост населения прибавляется на два, а иногда и на 4 сантиметра. Между тем, изучая на больших цифрах распределение гениальности по департаментам Франции в ее зависимости от почвы, мы находим, что минимум гениальности соответствует максимуму известковых земель.

На этих же землях слегка преобладают монархические или антиреволюционные волны, а стало быть, встречается меньше революций и политических преступлений. Что же касается всяких других родов почвы, то на них обитает население по преимуществу республиканское.

Вообще надо признаться, что точное определение влияния геологического строения не везде возможно, а кроме того, влияние это маскируется другими факторами, и между прочим культурой земли.

11) *Плодородие почвы.* И действительно, влияние этой культуры выражено весьма резко.

По мнению Дрэпера, цивилизация Египта зависела от больших урожаев, нигде в мире не достигавших такого размера.

Вообще человек не может думать, если не поест, и притом до сытости. Поэтому-то, может быть, наиболее плодородные департаменты Франции (Вар, Воклюз, Лангедок) дают и большее количество гениальных людей. Но когда плодородие почвы и богатство населения становятся чрезмерными, то они обуславливают задержку умственного развития, как это мы видим на департаментах Франции, дающих наименьшее количество республиканцев и гениальных людей.

Чрезмерное богатство, особенно основанное на земледелии, обуславливает и склонность к консерватизму, тогда как и среди промышленного населения, и живущего в неудобных для обработки земли горах встречается большее количество гениев и республиканцев.

Когда почва плодородна, говорит Монтескье, то жители-земледельцы заботятся главным образом о ее обработке, ведут себя смирно и легко мирятся с монархическим режимом. Бесплодие почвы древней Аттики вызвало там народоправство. В Генуе при бесплодности почвы правление было аристократическим, в Женеве – республиканским, тогда как Швеция при тех же условиях долго оставалась при деспотическом образе правления.

12) *Здоровое местоположение и высокий рост.* Здоровое местоположение сильно влияет на прогресс цивилизации. Уже в нашей работе «Гениальность и помешательство» было доказано цифрами, что в Италии наибольшее количество гениальных людей встречается среди населения великорослого (Флоренция, Неаполь, Лукка, Сиена и прочие), а наименьшее – среди низкорослого (Сассари, Гроссетто, Лечче и прочие), но рост зависит не только от расы, а главным образом от здоровых условий жизни. Зависимость эта так велика, что даже высокорослые расы становятся низкорослыми, живя в странах, где господствует малярия или зоб (Сондрио, Сассари).

Из Гроссетто не вышло ни единого гениального человека, точно также, как нет там и людей высокого роста. Напротив того, рост тамошних уроженцев вдвое меньше, чем рост уроженцев Флоренции (35–40 против 50–70). По такой же причине Сардиния дала меньше гениальных и высокорослых людей, чем Ливорно (36 против 51), а Матера и Ланчиано меньше, чем Потенца и Аквила.

Во Франции этот параллелизм проявляется еще реже, так как в 75 департаментах (из 86) одновременно преобладает высокий рост и обилие гениальных людей.

В «Атласе» Ломбара мы видим, насколько распределение малярии во Франции совпадает с распределением монархизма в департаментах Ланды, Шаранта и Вандея, хотя, однако же, не в департаменте устья Роны, где малярия сильна, а монархистов мало, вероятно, благодаря плотности населения и промышленному его характеру.

13) *Смертность.* Изучая отношения между гениальностью, склонностью к революции и смертностью, мы найдем обратное.

В самом деле, статистика показывает, что департаменты со средней и наименьшей смертностью суть именно те, в которых слаба гениальность, и наоборот, наибольшая смертность соответствует и наибольшей гениальности.

То же можно сказать и о революционном настроении, как это видно из следующих цифр:

	Департаменты	
	республ.	монарх.
Наименьшая смертность	15	12
Средняя	14	14
Наибольшая	21	6

Наибольшая смертность преобладает, стало быть, в департаментах республиканских. Это явление легко объясняется тем, что монархисты менее скучиваются в больших городах и промышленных центрах, дающих наибольшую смертность, что нисколько не колеблет установленного нами принципа касательно преобладания гениальности и революционных стремлений в

местах наиболее здоровых, так как высокий рост есть более точный показатель благоприятных для здоровья условий жизни, чем смертность.

Таким образом зоб, например, нарушающий гигиеническую обстановку местности, отражается только на росте населения, а отнюдь не на смертности. То же можно сказать и о миазмах.

Закон соответствия между ростом и гигиенической обстановкой местности подтверждается даже на животных. Лошадь, перевезенная из Испании или Аравии в Сардинию, через несколько поколений становится маленькой, тогда как в Голландии маленький ютландский бык в несколько лет становится гигантом. А на Целебесе этот же бык еще более мельчает.

В Сардинии, так же как в Калабрии и Аbruццо, быки и собаки очень маленькие. Самая крупная порода тосканских быков встречается в Пизе. Пьемонтская порода быков, довольно высокая (1,7 м высоты) в Бра и Савильяно, становится карликовой в Аосте. Лошади, маленькие (1,45 м) в Вальтеллине и Бергамо, становятся большими (1,51—1,63 м) в Милане, Удине и Неаполе – точно так же, как и люди. В миазматических местностях Вандея и Медок, так же как и внутри Бретани, нормандская лошадь мельчает.

Значит, высокий рост населения служит лучшим показателем здоровых условий жизни, чем смертность, которая часто вовсе не зависит от топографии. Достаточно вспомнить, насколько последняя увеличивается в крупных центрах из-за больниц и скучивания, независимо от условий местности. Тем и объясняется тот странный с первого взгляда факт, что гениальность и склонность к революциям прямо пропорциональны как росту населения, так и его смертности.

Глава 5. Питание. Голод. Алкоголизм. Их влияние на бунты и революции

1) *Питание*. Питание несомненно влияет на эволюцию, а стало быть, и на революции.

«Принято думать, – пишет Ратцель, – что обильное питание, достигающееся без большого труда, неблагоприятно влияет на эволюцию. В этом есть частица правды, но далеко не такая большая, как обыкновенно думают. Полуцивилизованные народы Тихого океана, гавайцы, жители Таити, Конго, Самоа, Фиджи и прочих доказывают, что и среди плодородия, делающего борьбу за жизнь очень легкой, прогресс может совершиться. На Суматре и Мадагаскаре, где почва очень плодородна, развитие общественности идет большими шагами. Кафры, живущие среди богатых пастбищ, выгодно отличаются от соседних племен. В Центральной Африке наиболее склонные к прогрессу племена (ашанти, дагомейцы) живут среди богатой растительности. Не следует забывать также и про долину Нила, служившую колыбелью древней цивилизации».

Классический онагр, близкий родственник лошади, перейдя из свободных степей Азии в стойло скупого европейского мужика, кормившего его больше ударами кнута, чем овсом, превратился в тощего осла.

Лошади одной и той же породы, например фландрской или бретонской, смотря по качеству и количеству пищи, становятся годными или для кареты, или для водовозки и при этом начинают так мало походить друг на друга, что могут быть причислены к разным породам. По той же причине вожди полинезийских племен отличаются от своих подчиненных и ростом, и породством, а у африканских бечуанов даже более светлой окраской кожи.

Гульд заметил, что солдаты, получающие хорошую пищу, были выше ростом, чем те, которые получали плохую (1,707 м против 1,690).

По словам Лэтема, жители Огненной Земли, благодаря холоду и голоду превратившиеся в пигмеев, происходят от того же племени, как и гиганты патагонцы, живущие в теплом климате и питающиеся лошадиным мясом.

Плохое качество и грубость пищи диких народов проявляются в преувеличенном развитии у них жевательного аппарата, точно так же, как частые переходы от полной голодовки к обжорству – в преувеличенном развитии кишечника.

2) *Революции*. Выше мы видели, что плодородие почвы мало влияет на гениальность, а на революционные волны и совсем влияния не оказывает, но не потому, однако же, чтобы оно было антиреволюционно само по себе, а потому, что проявляться-то оно может только в странах земледельческих, где население не скучено.

3) *Голод*. Замечено, что народ может восстать лишь тогда, когда ему относительно хорошо живется, так как при крайнем истощении у него, как и у отдельного человека, не хватило бы энергии для действия. Таким образом, по отношению к восстаниям высшие бедствия – голод, например, – играют роль более усмиряющую, чем высшее благосостояние. Поэтому-то народонаселение большей части Африки не ищет возможности сбросить с себя рабство. Поэтому же и в Средние века бунты чаще возникали в среде городских коммун, чем в деревнях, где царила феодальная система и народ страшно бедствовал.

Тунисский Казнадар говорит, что когда араб сыт, то он спешит купить ружье и поднять восстание.

Истощая силы народа, голод лишает его энергии, нужной для вооруженной борьбы, которая, кроме того, только ухудшила бы его положение, лишив работы, а стало быть, и средств к существованию.

Пример этого мы видим в Италии, где крайняя бедность сельского населения не вызывает восстаний даже в Ломбардии, где тысячи обывателей питаются ядовитой гнилью.

Из донесений французских интендантов за 1698 год мы видим, что в некоторых округах умирало от голода и бедности до 5 % обывателей, а у оставшихся помирали дети, уже родившиеся слишком слабыми и больными. А между тем народ любил тогда своего непредусмотрительного короля, целовал лошадь курьера, привезшего хорошие известия о его здоровье, и прочее.

Кроме того, во время голодовок народ бывает тем менее расположен к бунту, что правительство во имя личных интересов спешит помогать ему всеми средствами, вспоминая древнеримское «хлеба и зрелищ».

В 1846 году, например, Англия поспешила облегчить тяжелое положение ирландского народа, снабдив его работой и хлебом. Потому-то в это время и не было серьезных бунтов.

Голод, царствовавший в Италии в 1588 году, правительства Тосканы и Венеции прекратили ввозом хлеба из Гамбурга и Данцига, а затем их примеру последовали частные торговцы.

Во время голода во Франции в 1816–1817 годах правительство покупало хлеб за границей и продавало его с убытком, потеряв при этой операции 21 миллион франков. Кроме того, оно еще раздало деньгами более 70 миллионов и установило в Париже раздачу марок на покупку хлеба. В течение 10 лет такая раздача производилась пять раз. Не обсуждая экономического достоинства этих мер, надо сознаться, что они умирляли злобу народа.

Но если к голоду присоединяется политический гнет, увеличивающий народное недовольство, то тогда только (и то не всегда) возникают страшные реакции, особенно усиливаемые неудачными мерами правительств. Александр Север и Коммод – в Риме, а Юлиан – в Антиохии усилили, например, народное бедствие введением такой таксы на хлеб, при которой продавцы отказывались продавать его. Та же история произошла в Германии в 1771 и во Франции – в 1793 году. С другой стороны, крайняя слабость правительства вызывает во время голода тоже анархию, как это было в Китае и Испании.

В Китае, когда народ начинает умирать с голода, он разбредается в поисках пищи. Шайки в три, четыре, пять человек начинают грабить. Правительство истребляет их обыкновенно, но при обширности территории иные шайки могут уцелеть и разрастись в целую армию, которая идет тогда прямо на столицу и возводит своего вождя на трон.

Плохое правительство, таким образом, быстро наказывается.

В Испании в 1664 году, когда никакие угрозы не могли заставить привозить хлеб из провинции в столицу, решено было отправить губернатора Кастилии с палачом и солдатами собирать этот хлеб в провинциальных городах.

Италия в то время была совершенно разорена налогами; жители оставались без пристанища и умирали с голоду. В некоторых городах две трети домов были разрушены. Под влиянием голода рабочие и торговцы Мадрида (1680 год) шайками грабили дома столицы. Общество совершенно распалось; не было ни полиции, ни правительства и никакой власти. В 1693 году прекратилась выдача пенсий; голод постоянно усиливался и из-за хлеба возникали беспрепятственные бунты. В 1700 году в Испании воцарилась французская династия.

Есть и другие примеры голодных бунтов. Восстанию Мазаниелло, например, в 1647 году предшествовал голод 1646 года. Надо принять во внимание, однако же, что если в 1647 году хлеба и было мало, но зато фрукты, говядина, масло и сыр продавались в большом количестве. Так что к голоду в данном случае присоединились и другие причины, между прочим – сумасшествие Мазаниелло, жаркое время (революция вспыхнула 7 июля), наконец, жестокости герцога Аркоса, который отвечал жалующимся на тягость податей и сборов: «Продавайте честь ваших жен и дочерей, но платите».

Великой французской революции 1789 года также предшествовал неурожай, увеличивший бедность народа, и без того уже страшную. Было высчитано, что количество нищих в Париже возросло тогда втрое; в одном Сент-Антуанском предместье их было 30 тысяч. Надо заметить, однако же, что в первые годы Французской революции почти все бунты в Париже

были вызваны нарочно распускаемыми слухами о голоде или искусственным поднятием цен на хлеб. Настоящий голод, даже гораздо более ужасный, никогда не вызывал таких бунтов, а по временам протекал совсем тихо.

Так, в 1794 году во Франции умерло от голода более миллиона людей, а революцию это не вызвало. В Аллье, по словам Тэна, бойни и рестораны долго оставались закрытыми, а в Лозере даже у богатых людей не было хлеба в течение 6–8 суток, но бунтов это не вызвало. Париж, однако, не был так спокоен, и все усилия абсолютной власти снабдить его провиантом не устранили вспышек народного недовольства. Но во всяком случае, вспышки эти были кратковременны и погасались успешно, так же как голодные бунты в Дэврэ 28 февраля, в Дьеппе – 14 февраля, в Лилле – 4 мессидора; в Вервиле – 9 прериала. В Дьеппе и Деврине, между прочим, бунты возникли потому, что мэрии, покупавшие хлеб по 7–8 франков, выпускали его в продажу по 25 и даже по 50 франков.

Двенадцатого жерминаля, когда провизия, запасенная для Парижа в огромном количестве, почти истощилась, хлебная порция дошла до $\frac{1}{4}$ ливра. Народ напал на Конвент, но был отражен, и порция сведена к 4 унциям или, самое большее, к 5–6. Другой бунт вспыхнул 1 прериала, но тоже скоро был усмирен.

Из драгоценной книги Фаральи, дающей подробные сведения о голодовках в Неаполе за целые девять столетий, из года в год, можно видеть, что наиболее голодными годами были: 1182, 1192, 1254, 1269, 1342, 1496–1497, 1505, 1508, 1534, 1551, 1558, 1562–1563, 1565, 1570, 1580, 1586–1587, 1591–1592, 1595, 1597, 1603, 1621–1622, 1625, 1642, 1672, 1694–1697, 1759–1760, 1763, 1790–1791, 1802, 1810, 1815–1816, 1820–1821.

Между тем из этих 46 годов совпадают с бунтами только шесть: 1503, 1580, 1587, 1595, 1621–1622, 1820–1821. Да еще надо заметить, что из них первые два бунта ограничились простым народным ропотом, без всяких серьезных проявлений, а последний был вызван политическими причинами, совершенно достаточными для того, чтобы вызвать бунт.

Не было бунта при страшном голоде 1182 года, продолжавшемся пять лет кряду, когда люди принуждены были питаться травой. Не было его ни в 1496–1497 годах, когда голод сопровождался чумой и обыватели городов разбегались по полям; ни в 1565 году, когда гнилая капуста продавалась по цене свежей; ни в 1570 году, когда деревенские жители, оборванные, голодные и больные, толпами шли в Неаполь и усеивали дорогу своими трупами; ни в 1586 и 1802 годах, когда жителям Неаполя выдавалась строго определенная и очень небольшая порция хлеба.

В Индии голод происходил на наших глазах. В 1865–1866 годах в Ориссе погибло 25, а в Пури – 35 % населения, между тем в эти годы бунтов не было.

В течение последних ста лет самые знаменитые голодовки, по крайней мере в Неллури, где они из-за бездождия и плотности населения очень часты, имели место в следующие годы: 1769–1770, 1780, 1784, 1790–1792, 1802, 1806–1807, 1812, 1824, 1829, 1830, 1833, 1836–1838, 1866, 1876–1878. Во время первой из них погибла целая треть населения; в 1877–1878 годах в Индии от голода умерло на пять миллионов человек больше нормальной средней.

И все-таки ни в одну из этих голодовок не было ни бунтов, ни возмущений.

Великое восстание 1857–1858 годов в Индии вызвано было главным образом отвращением туземцев к новшествам европейской цивилизации (телеграф, пар и прочее), жалобами лишенных престола местных царьков и между прочим слухом, возникшим среди сипаев, о том, что ружейные патроны впредь будут смазываться свиным салом.

Значит, продолжительный голод менее влияет на революцию, чем предрассудки разного рода.

Другие известные революции тоже не имели никакого отношения к голоду. Таковы, например, восстание в Богале в 1751 году, в Пенджабе в 1710, восстание сипаев в 1764, маленькие полудинастические бунты 1843 и 1848 годов и прочие.

Надо заметить, кроме того, что штат Орисса, наиболее часто посещаемый голодом, дает меньше бунтов, чем все другие.

Наконец, из 142 бунтов прошлого столетия только 11,2 % были обусловлены голодом, да и то еще под влиянием термических причин, так как почти половина их ($\frac{3}{8}$) вспыхивала летом.

Значит, роль голода при восстаниях следует считать лишь вторичной и случайной.

Голод, по словам Рошера, сам по себе вызывает только небольшие местные бунты, которые, однако же, способны разрастаться, если горючего материала накопилось много.

Правда, этот экономист сам себе противоречит, говоря далее, что «все великие революции были подготовлены голодом», но даже приводимые им примеры не подтверждают этого положения.

Так, среди примеров революций, вызванных голодом, он цитирует крестовый поход, предпринятый французами в 1095 году. Но крестовый поход, так же как и переселение, не суть революции; они скорее могут быть рассматриваемы как предохранительные клапаны против излишка населения.

Да если бы даже крестовые походы могли быть принимаемы за революции, так все-таки экономические причины играли в них роль второстепенную, а на первый план выступал религиозный фанатизм, поддерживаемый ловкими попами при помощи горячих проповедников, притом среди невежественного и суеверного населения.

Наконец, если голод и существовал кое-где во время проповеди крестовых походов, то он должен был прекратиться при выходе ополчившихся из страны, так как все они стремились продавать свое имущество и не находили покупателей. «Крестоносцы бросали все, что не могли унести с собой; сельскохозяйственные продукты были продаваемы ими за бесценок, что создавало обилие там, где царствовал голод».

Шведское политическое движение 1772 года, которое Рошер считает революцией, обусловленной голодом, было, в сущности, весьма быстрым и безобидным переворотом, закончившим революционный кризис, переживаемый тогда Швецией. «Король, утром бывший наиболее стесненным монархом в Европе, через два часа сделался таким же всемогущим, как короли Франции или как турецкий султан. Народ с радостью передал власть из рук наглой аристократии в руки всеми любимого и уважаемого монарха».

По мнению Лингарда, бунт баронов в 1258 году, так сильно повлиявший на английскую конституцию^[21], был значительно облегчен голодом 1254–1258 годов. Но бунт баронов (вспыхнувший, надо заметить, 11 июня) подготовлялся уже с 1227 года и был направлен к политической (а не экономической) реформе государства – к поддержанию Великой хартии и к уменьшению иностранного влияния на внутренние дела. С другой стороны, это была *революция сытых*, так что если голод и помог ей сколько-нибудь, так лишь тем, что удержал народ от вмешательства, в пользу ли баронов или против них. Даже сам Рошер признается, что в данном случае революция была *облегчена* голодом, а не *подготовлена* или *возбуждена* им.

Голод, постигший Россию в XVII веке, не влиял заметным образом на успех лже-Димитрия. В Москве тогда продавалось человеческое мясо (!), и в одном этом городе умерло около миллиона (!) людей. Истомленные голодом и преследуемые суеверным убеждением, что ряд неурожайных годов служил Божьим наказанием царю Борису, русские пассивно подчинялись казакам и полякам, не страдавшим от голода. Революция была произведена скорее этими последними, чем русскими. Это до такой степени справедливо, что те же поляки и казаки продолжали ее и впоследствии, когда голод уже кончился.

Следует заметить, что голодовки вызывают различные последствия в зависимости от условий, в которых находятся различные нации.

«Народы, – пишет Б. Сэй, – реже испытывали бы голод, если бы разнообразили свою пищу. Когда народ питается преимущественно одним каким-нибудь продуктом, то недостаток

этого продукта всегда будет вызывать народное бедствие». Так, в Индостане наступает голод при неурожае картофеля.

Политические последствия таких голодовок могут быть очень серьезны. В 1845 году неурожаем картофеля в Ирландии обусловил страшную бедность, причем более миллиона людей умерло и столько же эмигрировали, а вместе с тем произошел и целый ряд бунтов, которыми молодая ирландская партия воспользовалась для борьбы за независимость страны.

4) *Алкоголизм*. Злоупотребление алкоголем играет большую роль во время политических переворотов, так как, затемняя разум, вызывает особую форму душевной болезни, выражающуюся крайним цинизмом и жестокостью. Вожаки бунтов давно это заметили и часто пользовались алкоголем для достижения личных целей. Так, в Аргентине дон Хуан Мануэль, сам закоренелый алкоголик, вызывал при помощи спиртных напитков взрывы буйства в народе. В Буэнос-Айресе алкоголь также служил орудием возбуждения политических страстей в руках агитаторов, из коих Бласито и Ортогес сами принадлежали к числу делириков.

Во время Французской революции кровожадные инстинкты населения и представителей революционного правительства подогревались также спиртными напитками. Монах, например, в пьяном виде приговаривал людей к смертной казни, а на другой день сам забывал о своих приговорах. Комиссары, посланные в департамент Вандея, в течение трех месяцев выпили 1974 бутылки вина. В числе их находился известный пьяница Россиньоль, рабочий ювелирного цеха, сделавшийся генералом, и Ватерон, расстреливавший женщин, которые отказывались удовлетворять его страсти, распаленные алкоголем.

Франция до сих пор пользуется печальной привилегией потреблять спиртные напитки в большем количестве, чем какая-либо другая страна. По словам Ротара, потребление алкоголя, равнявшееся там в 1788 году 369 тысячам гектолитров, к 1850 году поднялось до 891,5 тысяч гектолитров, а к 1881 году – до 1 821 287. Немудрено, стало быть, что влияние алкоголя отражается и на политической жизни Франции, что абсент создает в Париже ораторов и политиков.

Утверждают, что перед декабрьским переворотом 1852 года войска были напоены водкой, но роль последней в политическом движении 1848 года (среди вожаков которого Коссидье и Гранмениль были заведомые пьяницы), и особенно при Коммуне, не подлежит никакому сомнению. В осажденном Париже был большой запас спиртных напитков, и желающие свободно ими пользовались.

Деспен замечает по этому поводу, что большую часть солдат Коммуны привлекало стремление удовлетворять свои дурные страсти при помощи жалованья, получаемого за грабеж. Вино делало их беспечными и нечувствительными к ранам. Сам генерал Клузере не скрывает этого в своих «Мемуарах». «Никогда, – говорит он, – виноторговцы не наживали столько денег». Ему неоднократно приходилось арестовывать батальонных командиров, пьянствовавших днем и ночью.

«Что делали осажденные в форте Исси в то время, когда дела их шли плохо, когда версальцы готовы были взять этот форт? В скотски пьяном виде переполняли местные кабаки. В Аньере, как раз накануне капитуляции, национальная гвардия, по своему похвальному обычаю, пьянствовала, ела, курила и спала».

Лаборд перечисляет заведомых пьяниц среди коноводов Коммуны: Л. – тщеславный и сварливый человек, несколько раз терпевший наказания за буйство и едва ли не сумасшедший; К. – член военного суда, наследственный пьяница; Жентон – председатель этого суда, бывший столяр, грубое животное, постоянно пьяное; Дарделлье – военный губернатор Тюильри, с осипшим от водки голосом; наконец – Прото, министр юстиции, превративший свой кабинет в кабак.

Одинаковые причины – одинаковые последствия: не так давно годовщина Коммуны ознаменовалась анархическим движением в некоторых округах Бельгии, которое сопровождалось грабежом и пожаром громадных стеклянных заводов, дававших хлеб тысячам рабочих; и вот

при ближайшем рассмотрении оказывается, что как раз эти самые округа отличаются наибольшим потреблением спиртных напитков, которое вообще в Бельгии в этом году (1884) достигало 600 тысяч гектолитров, т. е. сравнялось с потреблением алкоголя в Италии, где население впятеро многочисленнее.

Печальное положение! Безрасчетная трата народной энергии, которая пригодилась бы для поднятия экономической обстановки страны! Лавелье вычислил, что если бы английские рабочие отказались от спиртных напитков, то через двадцать лет могли бы скупить все фабрики, на которых теперь работают.

5) *Роль алкоголизма в эволюции.* В других своих исследованиях я доказал, что многие гениальные люди и их родители были алкоголиками (Александр Македонский, Авиценна, Бетховен, Байрон, Мюрже), но надо заметить, что это есть лишь простое совпадение пьянства с гениальностью, печальное, хотя необходимое осложнение последней, а не причина ее.

Необходимо оно потому, что мозг гениального человека постоянно нуждается в новых возбуждениях. То же можно сказать и про целые народы, из коих наиболее цивилизованные больше страдают и от алкоголизма, особенно на севере. Здесь опять алкоголизм является не причиной, а необходимым – к несчастью – осложнением или спутником большей впечатлительности, в конце концов вызывающим вырождение, микроцефалию, эпилепсию, преступления, и вообще агентом, более задерживающим эволюцию, чем благоприятствующим ей.

Между тем, изучая легенды, касающиеся поклонения первобытных народов спиртным напиткам, можно видеть, что вначале последние были действительно могучими факторами эволюции, почему потребление их долго считалось привилегией вождей, жрецов и вообще самых высших слоев общества. Таким образом, усиленное питание благоприятствует гражданской эволюции, но не политической; на бунты оно влияет весьма мало, так как последние не вызываются даже голодом. Что же касается алкоголизма, то он, наоборот, возбуждая, поддерживая, и усиливая бунты, препятствует ходу мирной эволюции, за исключением разве первых лет по введению спиртных напитков в употребление.

Глава 6. Раса. Население. Их гениальность. Интеллектуальная культура: сумасшествие и преступность

1) *Раса*. Среди антропологических факторов политической преступности на первом плане стоит влияние *расы*, что ярко иллюстрируется при сравнении резко выраженного революционного духа некоторых народностей с абсолютной апатией, проявляемой другими, живущими при такой же климатической и социальной обстановке.

Исследуя специальные характеры населения Франции, по преобладанию среди него *брахицефалов* и *долихоцефалов*, Лебон нашел, что первые отличаются воздержностью, трудолюбием, благоразумием, привязанностью к традициям и однообразию, а последние – требовательностью, стремлением к прогрессу и широкой, лихорадочной деятельности; они смелы, предприимчивы, много зарабатывают, но и много теряют.

Так, из 89 великих новаторов и революционеров на 20 брахицефалов (Гельвеций, Паскаль, Мирабо, Верньо, Петион, Марат, Демулен и прочие) приходится 69 долихоцефалов (Расин, Вольтер, Лавуазье, Дидро, Руссо, Кондорсе, Сен-Жюст, Шарлотта Корде, Ришелье, Сюлли, Тюрэнн, Конде и прочие).

Из этого Лебон заключает, что долихоцефальные расы наиболее революционны. И в самом деле, долихоцефальные народы севера Франции дольше других противились римлянам и были единственными, восставшими против них. Цезарь считал галлов бунтовщиками, и вот мы теперь ежедневно убеждаемся в политической неустойчивости их потомков – ирландских кельтов и парижан.

Таковыми же потомками галлов являются в Бельгии валлоны, до такой степени склонные к излишествам и насилиям, что большинство анархических бунтов, происшедших за последние годы в каменноугольном округе Льежа, населенном валлонами, приписывается их расовому характеру.

Лигурийцы также принадлежали к небольшому числу итальянских народов, так упрямо сопротивлявшихся римскому владычеству, что их пришлось выселить в иные страны.

Лапуж приписывает белокурой долихоцефальной расе образование высших классов в Египте, Халдее, Ассирии, Персии и Индии, также как и большое влияние на греко-римскую цивилизацию.

Блондины. Действительно, на памятниках Египта, Халдеи и Ассирии все высокопоставленные лица изображены белокуроыми, голубоглазыми и высокорослыми. Греки на египетских изображениях представлены также высокими, белокуроыми и длинноголовыми. Тип героев Греции несомненно был таков. Боги и герои Гомера всегда суть блондины высокого роста и со светлыми глазами. Только один Гектор (в конце концов – побежденный, надо заметить); представлен черноволосым в XII песне «Илиады». В первой песне Минерва схватывает Ахилла – первенствующего героя – за его *белокурые волосы*, и это выражение повторяется еще раз в XIII песне, когда Ахилл приносит в жертву останкам Патрокла свои волосы. Царь Мелелай также блондин. В «Одиссее» Мелеагр, Аминтор и Радамант – блондины. Вергилий даже Дидону представляет блондинкой, хотя она финикийка, а потому должна быть черноволосой; Минерва, Аполлон, Меркурий, Комерт, Камилл и Лавиния тоже у него являются белокуроыми.

Все куртизанки и кутилы у Овидия, Сафо, Анакреона и Катутла белокуры.

В римской аристократии тоже, должно быть, преобладал белокурый тип, если судить по прозвищам: *Flavius, Fulvius, Ahenobarbus* и по описаниям выдающихся лиц, например Катона, Суллы, Тиберия.

Данте и Петрарка воспевают белокурых героинь: Беатриче, Матильду, Лауру. Вообще достаточно пересмотреть галерею картин эпохи Возрождения, чтобы убедиться, насколько светлые волосы тогда преобладали, особенно у женщин.

Протестантизм – эволюция католичества – распространялся преимущественно среди белокурых народов Европы, а не среди черноволосых (латинских кельтов).

Лапуж доходит до заключения, что цивилизация народов почти в точности пропорциональна количеству белокурых долихоцефалов, входящих в состав их правящих классов. Так, галльские и франкские элементы создали величие Франции, этим же элементам обязаны своим процветанием Англия и Соединенные Штаты, а долихоцефальные саксы, потомки скандинавских завоевателей – блондинов высокого роста, – составляют силу современной Германии.

В общем, в эволюции человечества черноволосые брахицефалы и продукты их скрещивания играли роль простых солдат при главном штабе, состоящем из белокурых долихоцефалов. Только в виде исключения некоторые суббрахицефалические расы давали в Европе нечто стойкое и определенное.

«Кто может отказать, – говорит Морселли, – англичанам, северным германцам, франкам, бельгийцам, голландцам и североамериканцам в первом месте среди народов мира?»

Но этого мало. Возьмем антропологическую статистику Франции, Германии, Англии, Италии, Швейцарии, Бельгии – одним словом, всех европейских государств, стоящих во главе прогрессивного движения. Во всех в них наибольшую способность к культуре проявляют области, населенные по преимуществу блондинами. В этих областях мы находим наивысшее развитие народного просвещения, торговли и промышленности, путей сообщения и наименьшее количество убийств, одним словом – высшую степень нравственного и умственного прогресса. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на этнологическую карту Франции, составленную Брока, а также карту Швейцарии – Кольмана, Германии – Вирхова, Великобритании – Беддоу. Во Франции, например, наиболее прогрессивными являются департаменты северные; в Швейцарии – немецкие кантоны; в Германии – области, населенные саксонцами и фризами; в Великобритании – те графства, в которых саксы преобладают над кельтами.

Напротив того, черноволосые народы, заселяющие берега Средиземного моря, повсюду стоят на низшей степени развития, как, например: иберийцы, кельты Восточной Европы; древние лигурийцы, семиты, иранцы – в Персии и Индии; цингары, берберы, копты, абиссинцы. Все эти народы как бы остановились на различных стадиях древней и средневековой цивилизаций – халдейской, ассирийской, египетской, финикийской, греческой, римской или арабской.

Так полагают ученые. Нет никакого сомнения, что влияние расового происхождения на народы, также как и наследственности на индивидуума, должно быть весьма сильным, в особенности по отношению к эволюции.

Известно, например, что в Италии гениальность, то есть самое яркое проявление эволюции, преобладает в областях, населенных этрусской или греческой расой, между тем как потомки кельтской и семитической рас обладают ею в меньшей степени.

Закон Лапужа относительно большей способности блондинов к развитию подтверждается изучением регрессивных, атавистических типов – кретинов, эпилептиков (среди которых блондины представляют исключение) и, главным образом, преступников. В самом деле, мы вместе с Марро, Боно и Оттоленги нашли, что процент белокурых между ними ничтожен, а черноволосые встречаются в громадном количестве. Среди нормальных пьемонтцев, например, черноволосые составляют 27 %, а среди преступников – 43 %; почти вдвое. Если присоединить к блондинам и рыжих, то вопреки пословице разница выйдет еще рельефнее.

Долихоцефалы. Что касается формы черепа, то этот закон окончательно еще не подтвердился, хотя надо признаться, что кретины, психопаты и преступники в громадном большинстве случаев принадлежат к числу ультрабрахицефалов. Надо заметить, однако же, что полной точности в этом отношении достигнуть и невозможно, так как нет ни одной расы, у которой какая-нибудь форма черепа ярко бы преобладала (за исключением жителей некоторых долин, например в Лукке, в Сардинии).

С другой стороны, преувеличенная долихоцефалия встречается у народов отсталых, малореволюционных и даже цветных, как, например: египтяне, негры, австралийцы и сарды. Наоборот, некоторые настоящие брахицефалы, как, например, оверньянты, особенно в департаментах Крёз и Пюи-де-Дом, суть ярые эволюционисты, как это можно видеть на электоральной карте Франции. Точно так же ультрабрахицефалия преобладает в департаментах Ду и Юра, отличающихся большим количеством революционеров и гениальных людей.

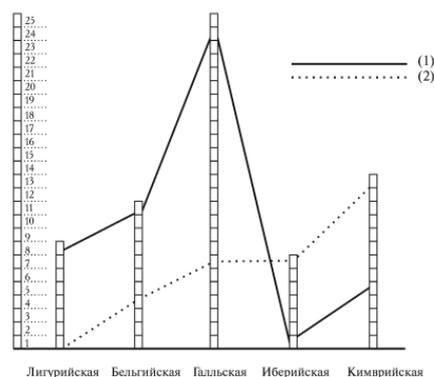
Равным образом и у нас в Италии, если ультрабрахицефальное население Пьемонта и Венецианской области отличается ультра-консерватизмом, а долихоцефалы Палермо, Генуи и Ливорно – революционным настроением, то романьолы и жители Равенны, по преимуществу брахицефалы, являются весьма склонными к прогрессу, тогда как долихоцефалы Лукки, Тосканы и Сардинии суть закоренелые консерваторы. Среди последних гениальных людей не встречается, тогда как среди первых – сколько угодно. Но вот и тут есть некоторое противоречие: тосканские долихоцефалы суть потомки этрусков, а сарды – семиты и берберы.

В новой истории произошли и закончились три революции: нидерландская – в XVI веке, английская – в XVII и американская – в XVIII. Все три были начаты и проведены белокурыми людьми, принадлежащими к германской расе. Та же раса дала Гуттенберга и Лютера.

В общем можно сказать, что белокурые расы (германская, английская) более революционны и способны к развитию, чем расы черные (испанцы, ирландцы, итальянцы), но для того, чтобы окончательно доказать это положение, не хватает данных.

Франция. Мы попробовали, по крайней мере для Франции, решить эту задачу, следуя примеру самых выдающихся антропологов (Реклю, Топинара, Ланьо), то есть составив карты, на которых рядом с распределением рас по департаментам обозначено процентное отношение республиканских и реакционных голосов в каждом из них за избирательные периоды 1877, 1881 и 1885 годов.

С первого взгляда на эти карты мы видим, что республиканцы преобладают среди лиц, принадлежащих к расам лигурийской, галльской и бельгийской, но из цифрового подсчета, резюмированного в нижеследующей диаграмме, видно, что только одна лигурийская раса (долихоцефальная) сплошь отличается ярким республиканизмом, что согласно и с историей. Что же касается расы галльской, то в ней республиканцы только преобладают; в бельгийской расе это преобладание еще заметно, но уже меньше; в кимврийской преобладают монархисты, а иберийская состоит почти только из одних последних.

1) Линия распространения республиканских принципов.
2) Линия распространения монархических принципов

В подробностях, однако же, замечаются весьма резкие противоречия. Так, ультрамонархический департамент Па-де-Кале населен долихоцефалами бельгийской расы, также как и департамент Нор; кельтская раса, оказывающаяся реакционной в департаментах Вандея, Кот-д'Ор и Морбиан, далеко не такова в департаментах Луара, Луар и Шер, Крёз и прочих.

Даже иберийская раса, постоянно реакционная в департаменте Верхние Пиренеи, отстает от своих привычек в департаменте Верхняя Гаронна.

2) *Раса и гениальность*. Сравнивая соответствующие карты, мы ясно видим, что гениальность, а стало быть и способность к эволюции, стоит в прямой зависимости от расы. Гениальность преобладает в департаментах, населенных лигурийской и бельгийской расами, и весьма редко встречается среди населения иберийского и чисто кельтского, хотя опять-таки не без крупных отступлений и противоречий, доказывающих, что влияние происхождения сглаживается и затемняется другими, не менее сильными.

В числе последних на первом плане стоит климат, влияние которого гораздо постояннее, чем влияние расы. В самом деле, хотя расовые отличия и проявляются в современном человечестве, но не могли же они в течение многих веков не подвергнуться изменению от беспрепятственных скрещиваний и целого ряда вторжений, местами успевших заменить одну расу другой.

3) *Эволюция*. По словам Вермеля, «эволюция всякого живого существа подчинена тем же законам, которые управляют и явлениями регресса, вырождения. Значит, только при изучении этих законов мы найдем причины прогресса или регресса той или другой расы».

Те виды, которые способны к быстрой эволюции, – как, например, раса арийская – испытывают органические изменения, дающие начало новым видам, и потому существуют недолго, являются преходящими.

К какой бы эпохе виды ни принадлежали, каждый из них развивается, дифференцируется, достигает высшей степени усложнения и затем начинает регрессировать, причем первыми исчезают самые совершенные и самые несовершенные разновидности, а остаются только средние, которые и пребывают более или менее долго без всякого изменения^[22].

В течение своей исторической жизни арийцы постоянно видоизменялись, давая начало многочисленным филиальным расам, весьма быстро терявшим сходство как с материнской расой, так и между собой. Главнейшие из этих филиальных рас суть: на северо-западе – галлы, германцы, славяне, литовцы; в центре – греки и латинцы; на востоке – индийцы и персы.

Китайцы, напротив того, достигнув несколько тысяч лет тому назад максимума своей цивилизации, претерпевают обратную метаморфозу. Поколения, создавшие их цивилизацию, были, очевидно, талантливее ныне существующих, которые ничего не создают.

По мнению Вермеля, современные китайцы находятся именно в *среднем* состоянии, в состоянии неизменного пребывания. Равным образом и еврейская раса стоит на одном месте, она тоже находится в *среднем состоянии*.

«Еврей, куда бы ни попал, сохраняет свою физиономию, не смешивается с окружающими народами и не подвергается их влиянию. Благодаря медленному, но постоянному распространению по Европе евреи живут теперь во всех странах, в большем или меньшем количестве.

А тем временем, когда китайцы и евреи оставались индифферентными ко всему окружающему, латинская раса, бессознательно подчиняясь закону эволюции, испытывала глубокие изменения, притом не только нравственные, но и физические, в зависимости от среды, в которой жила.

Следовательно, мы, – продолжает Вермель, – видим перед собой три расы, находящиеся в различных периодах революции.

Две первые (китайцы и евреи) с незапамятных времен как бы остановились на одной ступени эволюции, закончили последнюю и пребывают неизменными как физически, так и нравственно.

Латинская раса, напротив того, постоянно изменяется. Она смешивается с народами, которая покорила, и поглощается ими. Она исчезает, теряет свой этнологический характер».

4) *Скрещивания*. Скрещивание рас производит яркий этнологический эффект. Оно делает их более прогрессивными, подобно тому как скрещивание в растительном мире, по Дарвину, необходимое даже для растений двуполых. Пример тому мы видим в ионийцах, которые,

будучи весьма близки к дорийцам, тем не менее дали множество гениальных людей (Афины) и оказались весьма революционными, потому что гораздо раньше еще скрещивались с лидийцами и персами в своих малоазиатских и островных колониях, где, кроме того, подвергались еще влиянию климата.

Первое и, может быть, величайшее из открытий человечества – алфавит – обязано, по видимому, своим происхождением семито-египетскому скрещиванию: пастухам-семитам приходилось переписывать семитические слова по-египетски, и для этого они должны были придавать иероглифам фонетическое значение. Составленный таким образом алфавит перешел в Европу благодаря скрещиванию семитов с греками.

Дорийцы, обитавшие в северных гористых странах Греции и не подвергавшиеся скрещиванию, сохранили свой стойкий, воинственный характер, свою верность древним обычаям и не дали ни великих людей, ни революции. Между тем эти же дорийцы в Сицилии и в Великой Греции, смешавшись с италиками, сикулами и пеласгами, в свою очередь, стали революционны, дали множество великих людей (Архимед и пифагорейцы, хотя не сам Пифагор, который был иониец) и внесли семя революции в этрусское искусство. Если этот новаторский дух и эта цветущая цивилизация не передались в потомство, то лишь потому, что скрещивание дает великие, но непрочные результаты, если они не поддерживаются дальнейшими скрещиваниями. Ирландия и Польша как раз по тем же причинам дают нам примеры цивилизаций, развившихся страшно быстро при первом столкновении с иностранцами, но не менее быстро и остановившихся, может быть, также благодаря отсутствию других физических и общественных факторов, благоприятствующих эволюции.

Даже негры, столь мало склонные к революции, на Кубе становятся более революционными при смешении с белыми. Надо заметить, однако же, что если смешение с высшими расами дает хорошие результаты, то смешение с низшими дает плохие, как это мы видим в Америке, на Антильских островах, где мулаты и белые были дезорганизованы и деморализованы благодаря дарованию гражданских прав неграм.

Японцы, с другой стороны, которые по расе стоят ниже китайцев и не обладают ни коммерческим, ни финансовым гением последних, ни их необыкновенным трудолюбием, быстро восприняв от Европы ее костюм, машины, железные дороги, университеты и все прочее, оказываются теперь гораздо более склонными к эволюции и революции – несомненно потому, что перемешались с малайцами, тогда как Китай продолжает хранить чистоту своей высшей расы.

Примесью германской расы объясняется быстрое и могучее развитие поляков среди других славянских племен, находящихся в первобытном состоянии.

Это тем более замечательно, что сами германцы, привившие цивилизацию к Польше, были не особенно высоко цивилизованы⁸.

В самом деле, в зародыше всех польских городов лежат германские колонии, основанные эмигрантами на пустых, необитаемых землях. Германцы принесли с собой в Польшу муниципальное устройство, искусство и науку, которых у поляков не было. И это до такой степени, что все торговые и технические термины взяты поляками из немецкого языка и даже школьное преподавание в Кракове велось по-немецки. Первым кодексом Польши был магдебургский. Во второй половине XIII века в польских церквах пели по-немецки, а решения суда назывались *ortila* от немецкого *Urtheilen*.

А к германскому элементу примешалось много других. В 1772 году, по Станиславу Платеру, в Польше на 20 миллионов жителей приходилось:

⁸ Смешение с германцами произошло во времена доисторические, так как на Вольни в доисторических могилах находятся долихоцефальные черепа германского типа.

Поляков	6 770 000
Малороссов	7 520 000
Евреев	2 110 000
Латышских народов	1 900 000
Немцев	1 640 000
Русских	180 000
Валахов	100 000

Примесь итальянских и французских политических и религиозных эмигрантов внесла в Швейцарии источник гениальности и стремление к либеральным идеям, замечательное исключительно только в тех кантонах, в которых эта примесь имела место. Точно также в самое последнее время вторжение семитических и германских элементов в Россию внесло в нее социалистические идеи или по крайней мере содействовало их распространению.

Примесь германской крови обусловила, без сомнения, частое появление во Франш-Конте величайших научных революционеров (Нодье, Фурье, Прудон, Кювье).

Самый высокоразвитый народ в Европе, давший трех величайших гениев нашего времени, есть народ английский, составившийся из смеси кельтов, германцев и латинцев. Напротив того, Ирландия, где смешения рас почти не было, дает много бунтовщиков, но мало гениальных людей и вообще была менее революционна, остановилась на лиризме.

Сицилия отличается от Неаполитанской области большим стремлением к эволюции, потому что население в ней смешанное. Это резче всего выступает в Палермо, где к норманнской крови примешалась сарацинская. Триест, в котором славянская кровь смешалась с латинской и германской, дал миру целый ряд гениальных личностей (Люстиг, Танци, Ревере, Фортис, Асколи, Бейссо, Тедески).

Влияние климата. Перемена климата для человека, как и для растений, может заменить благоприятные скрещивания.

Современный североамериканец не только физически отличается от англосакса, от которого произошел (более темная кожа, более черные и блестящие волосы, более длинная шея, более крупная голова, более выдающиеся скулы, более длинные пальцы), но и нравственно; он представляет собой высшую степень эволюции человека^[23].

В самом деле, уважение к древним традициям, которое англичане доводят до смешного, американцы заменили таким новым обычаем, как закон Линча; крайнюю сдержанность женщин – безграничной свободой; нетерпимое англиканское правоверие – самой пестрой гетеродоксией (мормоны, шейкеры) и терпимостью, доходящей до иронии, до того, что англиканский священник, католический патер и еврейский раввин проповедуют в одном и том же храме. Вместо европейского церемонно-почтительного отношения к аристократии, к наследственному благородству, к представителям правительственной власти в Америке практикуется полная к ним индифферентность, иногда до оскорблений не только главы государства, но даже и представителей народа. Американцы уважают только ум, а еще более – золото; печать у них пользуется гораздо большей властью, чем правительство.

Нет возможности отрицать, что эти новые отношения суть признаки действительной эволюции, хотя бы они и были с известной точки зрения кощунственны. Наши предки прославились при помощи средств всегда гораздо более грубых, чем коварство и красноречие. Титулы их приобретались грабежом, и слово *proedium* обозначает завладение.

Преобладание слова и золота может считаться, если угодно, преобладанием сильного над слабыми; но интеллектуальная, мозговая сила, как бы она плохо ни употреблялась, всегда будет более достойна человека, чем сила мышц. Мы предпочитаем Мирабо, Фекса, даже Ротшильда, Алкидам и Роландам^[24]. Благодаря преобладанию умственной силы в Америке влияние правительства заменилось влиянием индивидуума, усиленным во сто раз ассоциациями, капиталом и машинами. Машина там заменила животных; она теперь печатает, шьет, варит кушанья,

рисует и ведет войну. Она дала янки то же могущество, каким обладал первый человек, которому удалось смирить лошадь и быка.

Таким-то образом белый человек Северной Америки возвысился над белыми людьми Испании и Италии, пропитанными суеверием, неспособными к ассоциации, не имеющими ни машин, ни капиталов, бездеятельными и, несмотря на свои индивидуальные достоинства, бессильными до такой степени, что постоянно находятся в зависимости от правительств, против которых беспрестанно бунтуют.

Североамериканец представляет собой, следовательно, трансформацию белой расы, пожалуй, даже настоящую новую расу, до уровня которой мы не дойдем и через несколько столетий.

Каким же образом раса эта создалась?

Не столько благодаря скрещиваниям, которые наступили гораздо позднее, сколько благодаря переходу людей и без того уже самых крепких в новую климатическую обстановку. К этому присоединилась ожесточенная борьба за существование на необработанной почве, среди враждебно настроенных диких племен. Борьба эта, погубив слабых, содействовала развитию сильных и вызвала к деятельности таланты, спавшие в мозгу обывателя Великобритании, пока он покойно сидел на родине, в кругу своего семейства.

Евреи представляют собой другой, столь же красноречивый пример видоизменяющего влияния климата.

Известно, что большая часть евреев, рассеянных по Европе, сохраняет неизменными главные черты своей расы, то есть долихоцефалию: черные волосы, прогнатизм лица, густые, сходящиеся на переносице брови, крупные губы и непропорционально короткие ноги. Но много между ними и таких, которые окончательно лишились этих характерных черт и стали походить на представителей тех рас (преимущественно – английской), среди которых живут. Почти все статистики Европы единогласно утверждают, что у евреев родится больше мальчиков, чем девочек, и что смертность среди них гораздо меньше, чем среди христиан Германии⁹, Франции и Венгрии. Но внимательное изучение быта веронских евреев доказало нам, что последняя разница не так велика. Она зависит от того, что подлежащие учреждения, и между прочим больницы, относят цифру смертности к одному только католическому населению города, тогда как она должна быть в известной пропорции распространена и на евреев¹⁰.

По этой же причине и благодаря кажущейся, фиктивной редкости незаконных рождений в еврейской среде легко объясняется и преобладание в ней мальчиков над девочками.

Перейдем теперь к нравственным качествам. Зародыш многих из достоинств и недостатков современного еврея лежит в древней истории его рода, как, например: настойчивость, иногда доходящая до упрямства; живая любовь к родине, которую он и теперь доказывает так же ярко, как в древние времена; скупость, даже жадное стремление к золоту; теологическое легкое верие; преувеличенное уважение к традициям, как бы они странны и нелепы ни были; склонность составлять ассоциации; коварство и хитрость, поставившие евреев во главе торгового мира; наконец – неспособность евреев к пластическим искусствам, тем более закоренелая, что она встречает поддержку в строгих иконоборческих законах Библии.

Во всяком случае, однако же, нельзя отрицать, что современные евреи начинают нарушать древние постановления. Среди них теперь встречаются и живописцы, и скульпторы, и даже неверующие, свободные мыслители. В общем, у евреев начинают развиваться те же способности, которые преобладают в окружающей их среде. Так, в Германии еврей является уче-

⁹ В Пруссии среди евреев на 100 девочек рождается 113 мальчиков, а в Ливонии – 120. В Пруссии между христианами умирает 1 на 34, а между евреями – 1 на 40.

¹⁰ У католиков в Вероне одно незаконное рождение приходится на 5 законных, а у евреев – на 100. Поэтому и смертность еврейских детей равняется 30 %, тогда как у католиков она вдвое больше. Но среди взрослых евреев смертность равняется 65 %, а среди католиков – только 39 %.

ным, в Польше – суеверным, в Венеции – говорунном, в Пьемонте – трезвым и молчаливым. Акоста и Спиноза – два еврея, сильнее других нападавшие на иудейские предрассудки и верования, родились в Голландии, как раз там, откуда вышли и наиболее упорные противники католического правоверия.

Но вместе с тем евреи потеряли и многие из своих исторических достоинств. Храбрость и презрение к жизни были когда-то выдающимися качествами этого сильного народа, ручьями проливавшего свою кровь на стенах Массады^[25], так что римляне, победители, заняв город, впервые увидели самоубийство целого населения, не пожелавшего пережить национальный позор. Но вот теперь среди современных евреев эти качества встречаются очень редко и уступили свое место инстинктивному страху смерти, что доказывается как незначительным процентом самоубийств, так и отсутствием замечательных военных людей между евреями.

Потеряв некоторые достоинства, они, однако же, приобрели другие, которыми не обладали до переселения в Европу. Так, семейное чувство развилось среди них очень сильно; вошедшая в пословицу азиатская инерция, полное равнодушие ко всему, кроме древней веры и золота, вытекающее из этого равнодушия невежество – все это исчезло, заменившись лихорадочной деятельностью на всех поприщах общественной жизни. Повсюду еврейство дало выдающихся людей: в политике – Абрабанеля; в диалектике – Спинозу; в иронии – Гейне; в публицистике – Юнга, Вейля и др.; в музыке – Мейербера, Галеви. Знаменитейшие врачи и физиологи Германии – Каспер, Гирш, Шифф, Валентин, Конхейм, Траубе, Френкель – по происхождению евреи. В общем, еврейская нация дала пропорционально столько же, если не больше, интеллектуальных работников, сколько дали их расы несемитические, и притом в таких отделах знания, к которым семиты прежде считались неспособными, например в точных науках. Только в пластических искусствах и в механике они не дали ни одного сколько-нибудь заметного деятеля.

Значит, семиты не только сравнились с арийцами, но и превзошли их во многом. Вот, следовательно, еще одна раса, которая на наших глазах, сохраняя отчасти свой первобытный тип, преобразовалась и поднялась на более высокую ступень совершенства.

Как это произошло – всем известно. Принудительная эмиграция поставила малопрогрессивную расу под влияние климатов, совершенно не похожих на тот, в котором она развивалась; а затем постоянное многовековое преследование обострило интеллект и укрепило характер тех, которых не могло задушить окончательно (и таких было большинство). А так как усиленная деятельность, коварство и скупость, развившаяся вследствие необходимости казаться бедняками, одни только могли спасти евреев от слишком жестоких преследований, то эти пороки и развились в них с особой силой; храбрость же и щедрость – достоинства, которые в их положении могли быть скорее вредными, чем полезными, – исчезли совершенно. Впоследствии, как мы увидим ниже, у евреев развился особого рода невроз.

Это совокупное влияние климата и окружающих обстоятельств выступает еще резче при сравнении евреев европейских с теми, которые живут на первоначальной родине, в жарких странах и никаких преследований не испытали. Эти последние – в Абиссинии, например, – ни в чем не изменились и даже, пожалуй, одичали, несмотря на всевозможное ухаживанье за ними со стороны европейских единоверцев.

В Бомбее евреи – земледельцы, каменщики, плотники, солдаты, – претендующие на прямое происхождение от племен, плененных ассирийцами во время Осии, строго соблюдают суботу и обрезание, почитают Библию, не понимая ее, и женятся только в своем кругу Объединенные в особые корпорации еще до появления европейцев, они не успели подняться выше уровня самых низких индийских каст.

В горах Атласа среди берберов Дэвидсон нашел евреев, очень бедных и нисколько не отличающихся от других полудикарей. То же самое и в Халдее, где евреи живут со времен Навуходоносора.

В Китае, где они обосновались тысячи две лет тому назад, среди евреев незаметно никакого прогресса, несмотря на то что там их никто не преследует. Они уже позабыли большую часть обычаев и религиозных постановлений иудаизма, подобно китайцам, не произносят букв «б» и «р», наконец, приняли даже отчасти китайский культ предков.

Недостаток сродства. Одной из важных причин политических волнений является недостаток духовного сродства между народностями, вследствие завоевания или иммиграции, одновременно живущими на одной и той же территории.

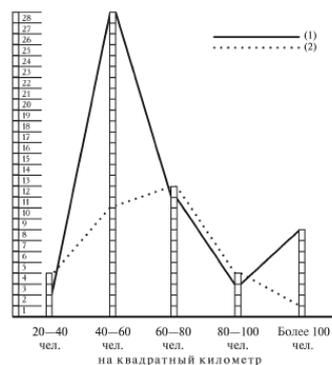
Уже Аристотель заметил, что разница в происхождении народов, живущих вместе, может служить причиной революции до тех пор, пока они не ассимилируются и не поглотят друг друга; так, ахейцы, присоединившиеся к трезенцам, чтобы основать Сибарис, прогнали последних, когда стали более многочисленными.

Таким же недостатком сродства можно объяснить ненависть славян к туркам, чехов – к венграм, басков – к испанцам, европейцев – к евреям.

Мусульмане, живущие на севере Суматры, постоянно восстают против голландцев. Причиной этого служит не климат и не управление – очень разумное, терпимое и дающее им полную свободу (остаются же покойными буддисты на Яве), – а разница расового характера, которой разница в религиях служит только признаком.

5) *Плотность населения.* Изучение отношений, существующих между плотностью населения и монархическими наклонностями в различных департаментах Франции, доказывает, что там, где население более скучено, общественное мнение склоняется к идеям республиканским, и наоборот. В самом деле, те департаменты, в которых количество жителей на квадратный километр не превышает 40–60 (Нижние Альпы, Эндр, Вандея, Нор, Жер, Аверон и прочие), дали большое количество монархических голосов на выборах 1877–1881—1885 годов. Напротив того, те департаменты, в которых народонаселение очень плотно (Сена, Рона, Луара, Сена и Уаза и прочие), дали большинство голосов республиканских, как это видно на диаграмме (с. 398).

Легко понять, что в больших городах, где население особенно скучено, политические волнения почти не прекращаются. Это особенно ярко проявляется в Париже, куда, по словам Виоле-ле-Дюка, весь свет выбрасывает свою пену, делая из столицы Франции космополитический город, в котором кочевая беспринципная толпа нагло распоряжается выборами и пользуется несчастьями страны для того, чтобы колебать правительство и становиться на его место.

1) Линия распространения республиканских принципов.
2) Линия распространения монархических принципов

Поэтому-то после Коммуны на 36 тысяч арестованных пришлось 25 648 провинциалов и 1725 иностранцев.

«Вот в этом-то и состоит, – прибавляет Максим дю Кан, – недостаток чересчур централизованных стран, в которых провинциальная жизнь слишком неразвита.

Большие столицы вредят политическому покою страны; подобно всасывающему насосу, они притягивают и задерживают. У Франции голова несоразмерно велика, и потому она, как все страдающие водянкой в голове, по временам подвергается приступам буйного бреда. Коммуна была одним из таких приступов.

Чистокровный парижанин лишь в слабой степени участвует в таких взрывах. Пена провинций волнует Париж. Все неудачники, тщеславные, себялюбивые и завистливые люди скопляются в столице, считая себя способными управлять всем миром, потому что удачно проповедовали в кабачках родного города. Париж должен осуществить их надежды или погибнуть, а так как он не знает даже их имен, то пусть проваливается».

б) *Отношение к гениальности.* Что касается гениальности, то, что бы ни говорил Якоби – исследованиям которого мы, однако ж, многим обязаны, – отношение ее к плотности населения очень слабо выражено. Если и проявляется некоторый параллелизм, то только в очень крупных центрах (Париж, Лион, Марсель), а в средних он незаметен.

Да, наконец, большое количество гениальных людей в крупных центрах есть явление скорее кажущееся, чем действительное. В другом месте мы доказали, что гениальные люди хотя и умирают по большому числу в больших городах, но рождаются они в провинции, откуда уходят в города лишь потому, что там легче могут проявить себя. Это заставляет думать, что крупные центры способствуют скорее проявлению, чем рождению гениальных людей¹¹.

Если в первые эпохи эволюции плотность населения содействовала прогрессу, то теперь, если судить по Китаю, Египту, Мадриду и Неаполю, этого сказать нельзя.

В общем, можно признать, что плотность населения благоприятна как для бунтов, так и для эволюции, но больше для первых, чем для последней, что доказывается и малым ее влиянием на гениальность, служащую высшим проявлением эволюции.

7) *Земледельческий и промышленный прогресс.* Возникновение крупных рабочих центров, предоставляя всяким новым идеям более легкую возможность распространения, увеличило удобства и неудобства чрезмерной скученности. Если быстрые средства сообщения – телеграфы и железные дороги – облегчают принятие репрессивных мер, то они облегчают и распространение бунтов. Поэтому-то деспотические правительства и относятся враждебно к почте и железным дорогам.

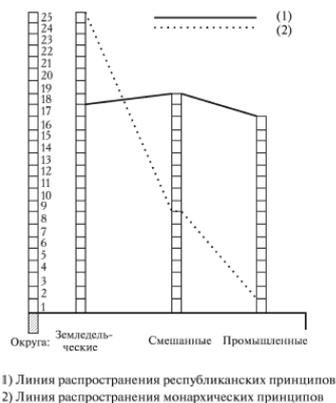
Научные открытия, вообще, не только помогают развитию промышленности, но дают оружие революционным силам; динамит и керосин предназначены, по-видимому, сыграть для пролетариата ту же роль, которую сыграл порох для буржуазии при ее борьбе с дворянством.

Из диаграммы (с. 399) видно, что промышленные округа Франции дают большинство голосов республиканских, а земледельческие – монархических. Распространение земледелия и виноградарства преобладает в странах монархических.

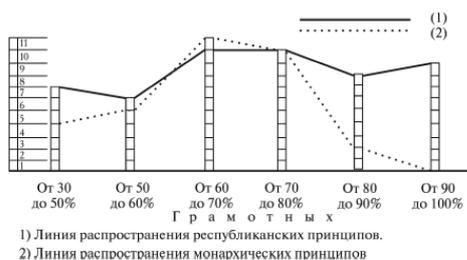
То же самое можно бы было сказать и о преобладании гениальности в странах промышленных, но так как она преобладает также и в странах горных, которые часто становятся промышленными только потому, что негодны для сельского хозяйства, то влияние промышленности маскируется влиянием орографическим.

Быстрый ход эволюции в промышленных странах вполне подтверждает исторический закон Спенсера, согласно которому промышленный период представляет собой венец человеческой эволюции, так же как и высочайшую степень развития благосостояния.

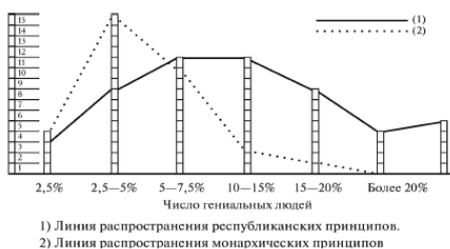
¹¹ «На истощенной почве столиц гениальные люди не растут», – говорит Бажео; «Ни один поэт не родился в столице», – говорит Рихтер в своей «Автобиографии». То же думают Карлейль и Смайльс.

8) *Образование.* После всего сказанного становится вполне понятным, что эволюция идет быстрее там, где шире распространено образование. Как видно на диаграмме, департаменты, население которых наиболее образованно (90–95 % грамотных), суть чисто республиканские, а в департаментах, средних по образованию, монархисты и республиканцы друг друга уравновешивают. Одного только я не могу себе объяснить – почему республиканцы преобладают также и в департаментах, дающих наименьший процент грамотности.

9) *Гениальность.* Распространение гениальности и республиканских принципов повсюду вполне совпадает, как предвидел Якоби.

Департамент Сены дает максимум гениальности и минимум реакционных голосов. Точно также республиканские департаменты Вар, Рона, Сена и Уаза, Сена и Марна богаты гениальными людьми, тогда как Вандея, Морбиан, Па-де-Кале, Нор, Верхние и Нижние Пиренеи, Жер и прочие реакционны и бедны гениальностью. Эта аналогия до такой степени полна, что маскирует влияние расы, плотности населения и прочее, что вполне естественно, разумеется.

Гениальность есть одновременно и проявление, и показатель эволюции, как потому, что рождается из последней, так и потому, что выдвигается ею на свет.

Карлейль пишет, что лучшим показателем интеллектуальной культуры данной эпохи является отношение последней к гениальным людям.

В Древней Греции литература и искусство процветали, потому что она посредством эстетического воспитания, Олимпийских игр и частых революций приучала народ ценить гениальность, лишь бы последняя не слишком опережала век, как это случилось с Сократом.

«Во время моих путешествий, – пишет Лебон, – я мог убедиться, что средние слои общества у китайцев и индусов несколько не уступают в развитии тем же слоям нашего общества, но у нас гораздо больше лиц, превышающих средний уровень».

По мнению Ренана, две главные религиозные революции евреев – иудаизм и христианство – произведены пророками, то есть гениальными людьми.

Народы, одаренные живым воображением, более других склонны к восстанию; это доказывается не только примером Парижа, но и примером Флоренции. Женева, слывшая в XVI столетии городом недовольных, была, конечно, культурным центром Швейцарии. То же можно сказать и об Афинах, где в цветущий период развития цивилизации насчитывалось 56 знаменитых поэтов, 21 оратор, 12 историков и писателей, 14 философов и ученых, 2 знаменитых законодателя – Дракон и Солон. Между тем в Спарте не было ни революций, ни знаменитых людей (по счету Шолля, всего 6).

В Италии республиканские принципы особенно процветают в Романье, в стране, в которой, по словам Массимо д'Азелио, «человек вырастает более красивым и могучим, чем в остальной Италии». Но тут дело осложняется влияниями орографическими.

Польша. Другое дело – Польша, где все, по-видимому, противодействует республиканскому настроению, так как страна эта представляет собой равнину, расположенную в холодном северном климате и населенную славянским брахицефальным племенем. А между тем поляки считаются наиболее революционным народом в Европе.

Формой правления, борьбой при выборе королей, существованием *liberum veto*^[26] этого объяснить нельзя, потому что бунты в Польше предшествовали окончательному установлению государственного строя. Революционное настроение польского народа скорее объясняется очень ранним и широким распространением в стране интеллектуальной культуры, которая, в свою очередь, обусловлена была географическим положением Польши между северными славянскими племенами, германцами и разлагающимся Византийским Востоком, а кроме того – крайней смешанностью населения.

Первый толчок к насаждению интеллектуальной культуры в Польше был дан Болеславом Великим, призвавшим в 1008 году орден бенедиктинцев. Затем Казимир I вызвал и из Льежа многих французских ученых. В XII веке школы и библиотеки в стране процветали, а в XIII поляки не только являются студентами Падуанского, Болонского и Парижского университетов, но даже профессорами и ректорами, как Николай Краковский, Ян Грот и Пржеслав.

Спустя еще одно столетие в Польше уже являются собственные ученые: историки – Матиас Холева, Винцент Кадлубек, Мартин Полоний, и знаменитый математик Вителий.

В 1347 году основывается Краковский университет, первый на севере Европы; в 1364 году он уже считается одним из самых знаменитых, а спустя еще одно столетие польские доктора считаются первыми после болонских.

В ту же эпоху Григорий Саннок отличается как философ и натуралист, а Матвей Краковский диктует «*Ars moriendi*», напечатанное в Гарлеме в 1460 году.

Эразм Роттердамский в письме к Северино Буару называет Польшу «отечеством ученых». Говорят, что первой типографией в Европе была краковская, основанная в 1474 году, но вполне достоверно, что среди типографов, рассеянных по разным странам, встречалось много поляков. Как, например, можно указать на Адама в Неаполе (в 1478 году), Скражецкого в Вене и прочих.

Царствование двух Сигизмундов (1502–1622) было очень богато знаменитыми людьми, среди которых можно отметить Коперника и историка Яна Длугоша.

Образование проникало в самые низшие слои народа. Несмотря на шляхетские привилегии, каждый мог подниматься в высшие слои общества личными талантами: Клемент Юницкий, Дантиск, Кромер, Хозий были людьми низкого происхождения.

Юридические сочинения Бернарда Люблинского и Яна Пильзенского во многом сходятся с творениями Беккариа и Филаджери.

Бедность – результат постоянных войн и внутренних неурядиц – вместе с допущением иезуитов к школьному делу (при Сигизмунде III, в 1528 году) обусловили начало падения цивилизации в Польше, ускоренного политическими преследованиями и эмиграцией лучших людей. Но все же Сянчинский в своем «Словаре знаменитых людей Польши» насчитывает при Сигизмунде III 1149 знаменитых людей, 711 писателей, 110 полководцев.

Но падение мало-помалу усиливалось. При Владиславе III едва можно насчитать одного проповедника и одного поэта, Сербиновского.

В Польше, как в Афинах и во Флоренции, слишком высоко развитая гениальность выродилась в беспрестанные бунты.

Вообще интеллектуальная культура, если она преждевременна, слишком интенсивна и плохо направлена, оказывается вредной. Таким образом, и у нас, в Италии, в известную эпоху пасторальный классицизм, культ формы и классико-архаический патриотизм, проведенный иезуитами, немало содействовали подогреванию в душах молодых людей революционного настроения и ненависти к иностранцам. Даже и теперь классическое образование, мало культивируя нравственность и не представляя собой вспомогательного средства при борьбе за жизнь – каковым являются точные науки, – увеличивает число неудачников, то есть усиливает несоответствие между потребностями и возможностью их удовлетворения, что, конечно, не может не быть вечной угрозой общественному спокойствию.

Нигилисты. По мнению Шерера, одной из причин развития нигилизма в России была чрезмерная интеллектуальная культура женщин. В самом деле, если сначала русские девушки стремились поступать в гимназии и университеты, открытые для них Александром II, из любви к просвещению, то затем большая их часть стала поступать туда единственно ради моды, а те, которые шли исключительно по призванию, занялись изучением естественных наук и стали анархистками.

Этому содействовали, может быть, и причины этнические. Бурже доказывает, в самом деле, что пессимизм, порождаемый контрастом между действительностью и мечтами, навеянными преждевременной и чрезмерной интеллектуальной культурой, особенно сильно развивается у славян, азиатская кровь которых содействует безграничным полетам воображения.

Поэтому-то 15—18-летние девушки лучших фамилий, повинувшись инстинкту эмансипации, толпами бегали из дому, чтобы поступать в высшие учебные заведения, где братались со студентами, превращались в нигилисток и становились искательницами приключений.

Бабизм. Для народа нет ничего опаснее интеллектуальной культуры, противоречащей его традициям, тем более если она преждевременная и скороспелая. Это особенно ярко проявилось в Индии, где школы, управляемые англичанами и устроенные по европейскому образцу, развели бабистов, считающихся теперь тысячами. Они обезьянят европейскую интеллектуальную культуру, не понимая ее, а потому превратились в нечто умственно и нравственно дряблкое, достойное презрения.

У бабистов слова заменяют идеи. Это слепые, окруженные цветами. Королева Англии, принц Уэльский и первый министр заменяют для них буддийскую триицу. Они позабыли свой язык, свою религию, литературу, утратили традиционную нравственность, не приобретя взамен ничего европейского, кроме слов, не имеющих значения.

Трусливые перед европейцами, которым позволяют даже бить себя, бабисты грубо и депотически относятся к другим индусам. Администрация Индии находится в их руках, но они надеются захватить в свои руки и правительство, для чего устраивают заговоры и бунты.

Бабисты представляют собой разительный контраст пандитам, индусам, воспитанным в национальных школах; последние отличаются серьезностью, благовоспитанностью и честностью. Нельзя не признать, что вице-король Индии, учредивший в этой стране европейские школы, оказал плохую услугу Англии, так как бабисты, ведущие теперь только устную и печатную пропаганду, рано или поздно устроят восстание в пользу России.

10) *Печать и литература*. Влияние вожаков революции и культуры ума было бы гораздо незначительнее, если бы ему не содействовала печать, которая теперь направляет общественное мнение и служит главным союзником современных агитаторов.

Благодаря ей энциклопедисты подготовили падение старого режима. Но и у них были предшественники, как, например: Мабли, Бриссо (которому приписывают изречение: «Собственность есть кража») и аббат Морелли, проповедовавший коммунизм в начале XVIII века. «Начиная с Евангелия, – говорит Бональд, – и кончая “Общественным договором”, революции всегда производились книгами. Маркс и Лассаль посеяли первые семена освобождения рабочих классов путем печати; тем же путем Герцен, Чернышевский и Бакунин начали борьбу с самодержавием в России. Точно таким же образом дарвинизм разрушил в науке последние остатки религиозных суеверий».

Если верить одному английскому писателю, то гражданская война Ирландии с Англией тоже опиралась на печать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.